

МАСТЕРА УЖАСОВ

18+

Луиджи Музолино
УИРОНДА
ДРУГАЯ ТЕМНОТА

Луиджи Музолино
Уиронда. Другая темнота
Серия «Мастера ужасов»

<https://litres.ru/70718971>

*Уиронда. Другая темнота: АСТ, редакция «Астрель-СПб»; Москва;
2024*

ISBN 978-5-17-154579-6

Аннотация

<p>Здесь пробежка перед ужином может привести к зловещему кошмару. Целый город оказывается в плену черных холмов, которые необратимо меняют все живое. Съезд на трассе ведет в Уиронду, иную реальность, враждебно настроенную к человеку, а другие, невыразимо страшные мертвые пространства таятся совсем рядом: в лифте, застрявшем между двумя этажами, в трещине на стене, в обыкновенном лесу. Здесь водятся монстры, которых вы не видели никогда, сборка тумбочки может обернуться настоящим боди-хоррором, а фольклорные традиции переплетаются с космическим ужасом и новейшими страхами, окружающими нас каждый день. Это чудовищные миры Луиджи Музолино, чья необычность достойна творчества Томаса Лиготти, а натуралистичностью и причудливостью они могут потягаться с творениями Клайва Баркера. Притягательная тьма, которая уже не отпустит того, кто попал в ее власть.</p>

Содержание

Уиронда	5
Остров и Бездна	5
Молочная кислота	52
Ночь в ночи	84
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Луиджи Музолино

Уиронда. Другая темнота

Luigi Musolino

UIRONDA

UN BUIO DIVERSO

В оформлении обложки использована иллюстрация *Михаила Емельянова*

UIRONDA © 2018 Luigi Musolino

UN BUIO DIVERSO © 2022 Luigi Musolino

© Марина Яшина, перевод, 2024

© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Уиронда

Остров и Бездна

Когда Умберто Барбьери был подростком, ему часто снилось искореженное железо.

Вот он стоит на мосту над дорогой и видит, как серая машина, летящая по полосе, на полной скорости врезается в несущийся навстречу грузовик, на стальной кабине которого играют блики от фар. Через секунду Умберто оказывается на месте этой чудовищной аварии, и в нос ударяет запах бензина и гудрона.

За рулем грузовика никого нет.

А в легковушке с разбитыми вдребезги стеклами, между рулем и сиденьем водителя, сплюснен в жуткую гармошку из *плотиего собственный* изуродованный труп: шея сломана, голова лежит между рычагом переключения передач и ручником, спутанные волосы все в крови.

Полузакрытые глаза, остекленевший взгляд – словно у мумии какого-нибудь святого.

Слышится потрескивание раскаленного металла, воняет бензином.

Умберто пытается открыть дверь: во сне ему кажется, что *самое главное* – вытащить труп, так он будет в безопасности.

И как только она поддается, мертвый Умберто открывает глаза с торчащими из них осколками и, ухмыляясь, орет, как сумасшедший: «Двадцать восемь. Двадцать восемь, идиот! Бум, бум, придурок!»

Потом все вокруг становится красно-синим, и огненный шар пожирает обломки, дорогу и весь мир...

В этот момент Умберто обычно просыпался в своей комнате. Без крика, без стука крови в висках. Просто лежал и смотрел на желтоватый свет уличных фонарей, просачивающийся в темноту из-за закрытых ставен, а потом засыпал снова.

Со временем ночной кошмар перерос в какую-то внутреннюю уверенность, что его ждет именно такой конец, стал историей, которой можно щегольнуть перед друзьями, сидя вечером в баре за кружкой пива.

– Я умру в двадцать восемь в автокатастрофе. Говорю вам. Мне это часто снится.

Но вот ему исполнилось двадцать восемь, а потом двадцать девять, и хотя жизнь его порядком потрепала, в другой мир он пока не отправился.

Когда же Умберто стукнуло тридцать, он, как и все люди (хотя многие не хотят это признавать), начал понимать, что есть много способов умереть, и какой уготован именно ему – неизвестно.

Сердечный приступ. Вполне возможно. Умираешь быстро, как дядя Бруно. Или опухоль. Она была у бабушки, и у

папы, а учитывая, сколько я курю, мне вряд ли удастся дожить до преклонного возраста, а близким – сказать: «Он умер безмятежно, во сне».

Сейчас тридцативосьмилетний Умберто, вцепившись в оторванный хвост гидросамолета в тысяче километров от своей квартирки в Пинероло, подумал, что каким-то образом все же попал в тот сон – хотя время и ситуация оказались другими.

Бум, придурок!

Увидев мальдивского пилота, который по-прежнему сидел в наполовину снесенной кабине, с прижатым к груди подбородком, схватившись за ручку управления, Умберто почувствовал любопытство, смешанное с ужасом. Если бы верхнюю часть черепа не отрезало куском железа, можно было бы решить, что пилот просто решил вздремнуть. Умберто смотрел на него, барахтаясь в воде, и оттуда голова мальдивца напоминала алую чашу с серым, прогорклым супом.

– Э-э-эй! Кто-нибудь меня слышит?

Он удивился, что смог закричать. Горло сдавило, легкие пропитались морской солью, а сознание было совершенно пустым и находилось где-то далеко от тела. Умберто принялся перебирать ногами в прозрачной воде,

цел, я цел

как вдруг на него обрушилась волна, и пальцы, вцепившиеся в кусок металла, разжались. Он хлебнул воды. Перепугавшись, начал барахтаться изо всех сил и почувствовал

прикосновение чьих-то волос.

Рядом с ним плавал труп с грустным выражением на застывшем лице. Он узнал молодую девушку, которой еще совсем недавно принадлежало это тело: грива волос вишневого оттенка из рекламы *Pantene*, неизменная сигарета *Merit* во рту и томный взгляд, сменявшийся досадой, когда дым щекотал ресницы. Марта. С ней – и с девятью другими итальянками – он познакомился пять дней назад в Мале.

У нее была оторвана нога. Умберто не понял, правая или левая. Эти загорелые ноги еще не так давно он представлял в своих фантазиях, лежа на кровати отеля в столице Мальдив.

Из кармашка трупа выплыла пачка сигарет; бумага раскисла, а фольга блестела на солнце, как чешуя рыбок, стайками снующих вокруг похолодевших мертвых губ.

Умберто решил, что надо кричать – даже под водой, – потому что ничего больше не остается, совсем ничего...

– Э-э-эй!

От крика, просочившегося сквозь толщу воды, Умберто вздрогнул. Как безнадежный пессимист, он уже решил, что все остальные погибли и ему придется вытаскивать себя из этого дерьма в одиночку.

Умберто сделал пару беспорядочных гребков, всплыл на поверхность и ухватился за толстый кусок поролона от пассажирского кресла. Чихнул, от соленой воды загло в горле. Сквозь выступившие слезы разглядел очертания двух голов – это были явно не трупы.

– Я тут!

– Умберто? Ты в порядке?

Умберто узнал сицилийский акцент Эннио – парня из Трапани с копной вьющихся волос.

– Да. Вроде да.

– Сможешь до нас доплыть?

– Сейчас попробую.

Держась руками за кусок поролона и перебирая ногами, Умберто поплыл туда, откуда доносился голос. Поверхность океана медленно вздымалась длинными убаюкивающими волнами, которые лениво поглаживал ветер; через несколько минут Умберто добрался до покореженного желтого крыла самолета, на котором сидели четверо уцелевших. На их лицах был написан ужас. Вокруг плавали куски обшивки.

Отдых в тропическом раю обернулся адом.

Пятеро из одиннадцати. Пятеро из одиннадцати по-прежнему в мире живых. Даже не половина.

Умберто, Эннио, Дэни, Самоа и Валентина. Сидя на краю крыла, Валентина качалась взад-вперед, впившись ногтями в щеки. Пустое лицо, ничего не выражающие, как у насекомых, черные шарики глаз со зрачками, расширенными от ужаса.

– Я не хочу умирать, – непрерывно твердила она. – Я не хочу умирать, нет, пожалуйста.

Эннио бросил на нее взгляд, а потом помог Умберто за-

браться на импровизированный плот.

– Так, так, аккуратно. Все. Ты как?

Умберто лег на металл, пытаясь восстановить дыхание. На какую-то секунду из органов чувств у него осталось одно зрение: вот монохромная необъятная вселенная, чью лазурь испачкал только медленно тающий след самолета, вот кристально чистое блюдце океана, все в ослепительных солнечных бликах.

Интересно, а их можно увидеть сверху? Наверное, нет.

– Я... я в порядке, да. Вроде бы. А вы?

– Нас немного потрепало, но могло быть и хуже, – отрезала Самоа, усаживаясь рядом с ним. Эта сорокалетняя уроженка Генуи даже сейчас оставалась такой же невозмутимой, как раньше. Ее правая бровь была рассечена, и сочащуюся из длинной царапины алую кровь она то и дело вытирала клочком намокшей ткани. – Вот только Валентина в шоке. Совсем тронулась, – добавила она, махнув рукой в сторону девушки.

– Мы... Видимо, только мы... – запинаясь, проговорила подошедшая Дэни и закусил губу. Бермуды у нее задрались, обнажив дряблые белые бедра в сеточке капилляров. Прилипшая к телу майка обрисовывала обвисшую грудь и живот – ни дать, ни взять карикатура на идола изобилия. – Я видела Энцо, и Сабрину, и пилота, и... Их раны... Боже, боже мой.

Разрыдавшись, она стала выглядеть отталкивающе – толстая, сопливая, жалкая. Упала на колени и попыталась спра-

виться со слезами. Никто и пальцем не пошевелил, чтобы ее утешить.

– Я Марту видел... Она тоже... Что произошло, черт подери? – с этими словами Умберто вскочил, пытаясь понять, нет ли у него самого ран или синяков. Хорошо хоть почти исчезло мучившее чувство, будто это не он решает, что ему говорить и что делать, будто он – всего лишь марионетка, которую дергает за ниточки безжалостный кукловод. Теперь адреналин слепил внутри комков вопросов, страха и тошноты.

– Я услышала какой-то грохот, – начала Самоа, – и в иллюминаторе увидела пламя. Потом гидросамолет перевернулся, и что-то случилось, я не поняла. А через секунду оказалась в воде рядом с Эннио.

– Так и было, – подтвердил сицилиец. Он резко и неестественно размахивал руками, как робот, и весь дрожал. – Наверное, двигатель взорвался. Самолет ударился о воду и развалился на две части. То, что мы живы, это... это чудо. Чудо, – улыбка, которая должна была успокоить окружающих, сделала его похожим на угря на разделочной доске.

Умберто посмотрел по сторонам, рукой прикрывая глаза от палящего солнца.

– Перед падением я мельком видел атоллы, но отсюда...

– Мы где-то в Индийском океане, к югу от Мальдивских островов.

– Большое спасибо, Самоа. Сразу стало все понятно, –

фыркнула Дэни, которая смогла взять себя в руки и теперь вглядывалась в стеклянную наковальню горизонта.

– Слушай, жирдяйка, если можешь сказать что-то поумнее, так говори, или закрой свой поганый...

– Эй, прекратите, прекратите немедленно! – закричал Эннио. – Сейчас не время ссориться, вы что, не понимаете? Нам нужно просто подождать. Мы вряд ли далеко от Адду. Скоро нас спасут. Валентина, как ты себя чувствуешь?

Несколько секунд девушка смотрела на него молча; белки ее глаз напоминали дно грязного стакана. Солнечный свет нарисовал черные пятнышки на сережках из черного коралла, купленных на рыночке в Мале. Казалось, это было так давно... На щеках Валентины виднелись вмятины от ногтей в форме полумесяца.

– Я... Мы умрем, да?

– Нет, не умрем. Эннио прав, нужно продержаться всего несколько часов. Давайте лучше поищем еду и воду среди обломков, кто со мной?

После этих слов Умберто вдруг почувствовал, как стало жарко, хотя его *Sector* показывали всего полдесятого утра. Обжигающее белое солнце застыло в пугающе неподвижном небе цвета индиго.

И тут он понял, какая же глупость – надеяться, что их вот-вот спасут. Они вылетели из Мале рано утром, чтобы добраться до острова Ган, самого южного в архипелаге, а возвращение самолета *Maldivian Air Taxi* в столицу планирова-

лось только поздним вечером. Вряд ли на этих маленьких самолетиках есть системы SOS или что-нибудь такое.

Господи, а пилот был босиком и без рубашки...

Их начнут искать только вечером – и это в лучшем случае.

Он проглотил слюну и в порыве ярости, вызванной паникой, проклял Элену.

Море он не любил. Никогда не любил.

С какой стати она все время лезет, куда ее не просят? Почему постоянно заставляет меня делать то, что я не хочу?

Поехать на Мальдивы, в «холостяцкий тур», который ему подарила заботливая сестра, после долгих уговоров он согласился только из вежливости.

– От подарка нельзя отказываться, нельзя, – убеждала Элена, помахивая перед его носом глянцевыми брошюрками. – Может, там ты познакомишься с какой-нибудь хорошей девушкой, вы начнете жить вместе и сделаете меня тетей.

Или единственным ребенком...

Стараясь отогнать мрачные мысли, Умберто принялся разглядывать своих товарищей по несчастью: Эннио, парень с юга Италии чуть моложе его, обаятельный и уверенный в себе, единственный, кому удалось в первый же день на Мальдивах переспать с девушкой – ирландкой, с которой он познакомился в Мале Норд.

Самоа – сорокалетняя гонуэска, которая держится особ-

няком, любит дайвинг и местную кухню и ездит на любимые Мальдивы уже пятнадцать лет, – единственная, кто сохраняет спокойствие или хотя бы делает вид.

Дэни – застенчивая толстушка, проводившая большую часть времени за чтением. Она приехала на Мальдивы в надежде найти любовь, но пока ей остается только радоваться тому, что она не стала кормом для разноцветных рыбок, живущих в рифах.

Валентина – лет тридцати – младшая из них, молчаливая, все еще не отошла от пережитого кошмара.

Описал он и себя – кратко и довольно нелестно: Умберто Барбьери, заурядный офисный работник, которому давно пора в спортзал; в жизни он разочаровался, и теперь его самое большое приключение – пинта пива субботним вечером в захудалом прокуренном баре; в этом аду он оказался только по прихоти богатой сестры.

Не очень-то они похожи на выживших смельчаков или наследников Робинзона Крузо.

Эннио и Самоа прыгнули в воду и достали два рюкзака и несколько бутылок ананасового сока, выпавших из гидросамолета при аварии. Для Умберто сама мысль снова оказаться в воде была противна: вдруг он опять прикоснется к трупу – к тому, что осталось от человека, с которым еще пару часов назад он вместе завтракал, обсуждал, куда бы поехать, смеялся.

От жизни к смерти. От осознанного существования к

небытию.

Почувствовав головокружение, Умберто хотел сесть, как вдруг пухлые пальцы Дэни тисками сжали его плечо.

– Смотрите, смотрите! Там земля! – Она метнулась на другой конец крыла и чуть его не перевернула. Ткнула пальцем в горизонт. В темное пятно в паре километров. Там был остров какого-то странного цвета – то ли серого, то ли коричневого. Его зубчатые очертания на фоне ясного неба напоминали спину динозавра, а в центре виднелось возвышение в форме конуса.

Инеродное тело в бескрайней глади океана.

Эннио и Самоа вскарабкались на крыло самолета, держа в руках то немногое, что смогли отыскать.

– Вы видите?

Разглядев островок, они кивнули.

– Странно. Очень странно, – наконец пробормотал Эннио, свесившись с обломка, чтобы выловить бутылки, качающиеся на волнах.

– Что странного? Это наверняка один из самых маленьких островов атолла Адду. Надо бы до него добраться. Если получится, мы будем в безопасности, – сказала Самоа и прищурилась, как будто хотела удостовериться, что суша – не мираж.

– Да уж, в безопасности... Еще не известно, где безопасней... В путеводителе *Lonely Planet* написано, что в архипелаге больше тысячи островов, из которых населены меньше

двухсот. И все они ниже двух метров над уровнем моря. А на этом, по-моему... возвышенность, – попытался объяснить свое удивление сицилиец. – Предлагаю остаться здесь, рядом с местом аварии. Так больше шансов нас найти. Как думаете, у гидросамолета был радиомаяк?

Никто не ответил. Из горла Валентины вырвался стон, похожий на визг испуганной собаки.

Они стояли на обломке крыла, рассматривая видневшиеся в синеве очертания острова.

– Мне кажется, нас туда сносит, – наконец произнесла Дэни.

Действительно, течение медленно, но верно несло их в ту сторону. Вокруг – бескрайняя пустыня воды. Тишина, которую не нарушали ни плеск волн, ни крики чаек. И полоса молчания между людьми и берегом, которая постепенно сокращалась.

Дэни одной рукой обняла Валентину за плечи. Эннио, закусив верхнюю губу, качал головой. Самоа с похоронным видом смотрела на обломки самолета.

Минут десять они стояли почти неподвижно, как будто стараясь смириться с ужасом того, что произошло так внезапно.

Молчание нарушил Умберто:

– Что будем делать?

– Ждать. Больше ничего не остается.

Они медленно приближались к островку, и Умберто не

понял, чей ответ он услышал – своих товарищей по несчастью или бормочущего океана.

* * *

Конечно, про Умберто нельзя было сказать, что он исколесил весь мир, но кое-что все же повидал. Путешествовал в основном в студенчестве, во время недолгой и далеко не блестящей учебы на факультете истории и философии, который бросил через два года.

Побывал он и в загадочных местах, где сохранились дикинские сооружения далекого прошлого, и там, где природа позабавилась, играя со стихиями. Видел ирландскую Дорогу гигантов – причудливое скопище шестиугольных базальтовых колонн, про которое в пабах, пропахших табаком и «Гиннесом», по-прежнему рассказывают легенды; видел каменный круг Стоунхенджа, молочно-белые скалы Дувра, гору Музине неподалеку от Турина, знаменитую своими мистическими историями про НЛО. В таких местах Умберто порой чувствовал себя неуютно, не в своей тарелке. Дискомфорт был на уровне подсознания, а то, что он читал и слышал, весьма впечатляло и лишь усугубляло это чувство.

Ослепительное солнце, двигавшееся по параболе, стреляло огненными дротиками, пока они дрейфовали – а это, казалось, длилось целую вечность. Ребята успели поплакать, успокоиться и даже вывести из оцепенения Валентину.

А когда Эннио, со своим смешным сицилийским акцентом, стал напевать старую итальянскую песенку, они захохотали как сумасшедшие, до слез, а потом принялись шутить и подбадривать друг друга, стараясь не падать духом.

В конце-то концов, они выжили.

Не всем так повезло.

Пока что только это и имело значение в королевстве соленой воды и коралловых рифов.

Часа через два их прибило к острову.

Когда обломок самолета, на котором они сидели, врезался в берег, ничего особенного не произошло. Но в глубине души, на каком-то клеточном уровне, Умберто ощутил ужас, пустоту и растерянность.

Все сразу почувствовали, что в этом плевке земли есть что-то зловещее. Своими унылыми пепельно-серыми и светло-коричневыми красками он очень сильно отличался от остальных атоллов, образовавшихся из отложений известняка и кораллов, – ярких, разноцветных.

– Что же это, черт возьми, такое? – казалось, Эннио обращается к небу, требуя ответа у какого-то божества.

Крыло самолета с унылой монотонностью постукивало о серо-бурый каменистый берег.

– Ну и атолл... совсем не похож на другие, – сказала Дэни. – Эннио был прав, здесь есть какой-то холм.

Действительно, в самом центре островка, покрытого редкой растительностью, возвышался холм высотой двести-три-

ста метров, из-за пологих склонов напоминавший приплюснутый конус.

Наверное, остров не больше километра в диаметре, прикинул Умберто, хотя с берега судить было трудно. И скорее всего бесплодный – на таком вряд ли выживет какое-нибудь млекопитающее. Серо-бурый покров, похожий на пустыню, простирался до самой возвышенности. Солнечные лучи, стоило им коснуться поверхности, тут же затухали – или отступали...

Инстинктивно Умберто помолился, чтобы на островке оказались фруктовые деревья, кокосовые пальмы и грызуны. Вдруг все будет хуже, чем они надеялись.

– Как думаете, остров большой? – спросила Самоа, словно прочитав его мысли. Все еще сидя на обломке, она вытянула мускулистую ногу и дотронулась до берега голыми пальцами. Вопрос сменился удивленным возгласом. – Мягкая!

Стопа на несколько сантиметров погрузилась в почву.

– Не трогай! – закричал Умберто, сам не зная почему. Мурашки пробежали у него по спине, по всему телу, от затылка до задницы.

Через несколько секунд след Самоа исчез, как вмятина на поролоновом коврикe.

– Какого?..

– Я думала это камень, а она мягкая... как резина или пластик.

Эннио наклонился и воткнул указательный палец в зем-

лю. Поморщился, вытащил. Круглая дырка исчезла через пару мгновений.

– Что это такое, по-вашему?

Но ему никто не ответил, потому что в ту же секунду Валентина закричала и запрыгала, как чирлидер.

– Э-э-эй! Мы здесь, помогите! Помогите нам! Э-э-эй! Мы здесь!

Обернувшись, Умберто чуть не разрыдался – спасибо, Господи. Вскочившие с места Самоа и Эннио заплясали и стали размахивать руками. Умберто передразнил их.

В нескольких сотнях метров виднелись очертания двух дхони – традиционных мальдивских лодок с изогнутым носом. Они приближались. В каждой сидело по двое смуглых худощавых мужчин, которых жара заставила раздеться по пояс.

Самоа была права – раз рыбаки смогли доплыть досюда на таких простых суденышках, значит, до самых южных островов архипелага действительно недалеко.

Потом Умберто долго вспоминал, с какой радостью они обнимались, когда увидели дхони, – как старые друзья, не встречавшиеся сто лет. Вспоминал удушающие мягкие объятия Дэни, неуклюжее приплясывание Валентины, возгласы Эннио – «боже мой, боже мой, да, да, да, охренеть!» Вспоминал, какое облегчение они почувствовали от того, что им не придется рисковать и высаживаться на странный остров, куда их притащило течение.

В нескольких десятках метров от острова дхони остановились, качаясь на волнах. Рыбаки оживленно спорили и подталкивали друг друга – сначала на большой лодке, а потом и на той, что поменьше. Весла болтались в уключинах. Минут пять рыбаки кричали и размахивали руками, а потом схватили весла и поспешно ударили по воде.

Они уплывали.

– Какого черта? Э-э-эй! Хэлп! SOS! – Умберто протянул руки к лодкам, будто хотел заставить их остановиться. Он не верил своим глазам. – Они уплывают? Уплывают? Может, за спасателями...

– Ханйехун! Ханйехун! – во все горло завопила Самоа, вспомнив пару мальдивских слов, выученных во время многочисленных поездок на Мальдивы.

– Что это значит? Что ты говоришь? – спросил Эннио.

– Пиццу заказываю, блин! Что я могу говорить, по-твоему? Помощи прошу! Ханйехун!

Услышав крики на родном языке, мальдивцы бросили весла. Посоветовались друг с другом и снова поплыли к острову. Медленно-медленно. Один из рыбаков – жилистый старик с копной седых волос – сложил ладони рупором и заорал:

– Ресси! Ураа нубай! Дириури!

– Хэлп! Хэлп! Ви хэд эн аксидэнт, ви нид хэлп!¹ – прокри-

¹ Искаженное английское «*we had an accident, we need help*» – мы потерпели крушение, нам нужна помощь.

чал в ответ Эннио с чудовищным акцентом, а потом спросил Самоа. – Что они говорят?

– Понятия не имею. Что-то про остров. «Ураа» вроде бы значит «маленький остров». А «дириури», если не ошибаюсь, – «жить».

Целый час потерпевшие крушение, не теряя надежды, молили рыбаков о спасении, а мальдивцы то делали несколько сильных гребков, приближаясь к острову, то отплывали подальше. Они без конца повторяли одни и те же слова на своем грубом наречии, пронзительно кричали, ругались и дрались. Итальянцы перепробовали все, чтобы убедить их пристать к берегу.

Наблюдая за происходящим, Валентина совсем потеряла контроль над собой. Из ее горла вырвался крик – мольбы, оскорбления, слюна, – все вперемешку.

– Почему они не хотят нас спасти? Почему? Помогите! Помогите нам, пожалуйста! А ну плывите сюда, ублюдки! Мерзкие троглодиты!

Когда наконец дхони приблизились достаточно, чтобы можно было разглядеть выражения лиц рыбаков, Умберто понял: они их не спасут, ни за что. На лицах мальдивцев был написан ужас, смешанный *любопытством и изумлением*. Морщины на лбу старика, кричащего им что-то непонятное, напоминали русла высохших рек, покрытых пылью животного, парализующего страха.

Не отрывая взгляда от сероватого холма, от странной,

словно резиновой поверхности острова, рыбаки все время кланялись – как будто умоляли о чем-то или просили прощения.

Это были мальдивцы явно не с туристического атолла: очень худые, с первобытными татуировками, зарубцевавшись на впалых животах, с гривами грязных темных волос, заплетенных в косы. Аборигены из племени, которому удалось выжить на каком-то удаленном атолле в Индийском океане.

Дальше все произошло так быстро и неожиданно и настолько потрясло уцелевших жестокостью, что затмило в памяти аварию гидросамолета.

– Да твою ж! – выругалась Самоа. До лодок было метров пятнадцать. – Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе.

И прыгнула в желтоватую воду прибой. У ребят уже было время, чтобы оценить физическую форму мускулистой девушки. Эннио бросил красноречивый взгляд в сторону оставшихся.

– Ребята, надо плыть, – сказал он, скорчив придурковатую физиономию, как у комика в голливудском фильме, а потом нырнул дельфинчиком вслед за Самоа.

– Куда вы? Боже мой, куда, куда? Я плохо плаваю... – Дэни принялась бегать туда-сюда по крылу самолета, не зная, прыгать ей или оставаться на обломке.

Валентина по-прежнему всхлипывала, только теперь ста-

ла еще и взывать к своей матери.

Увидев, что Самоа и Эннио приближаются, рыбаки отчаянно замахали руками.

Держитесь от нас подальше. Не подходите. Умберто не знал языка,

Ресси! Хураа нубаи Дириури! Ресси! Хураа нубаи! Дириури!

но то, что они хотели сказать, понимал и так – по безумной жестикуляции охваченных паникой рыбаков.

Не вздумайте плыть сюда, не смейте!

Тем временем Самоа, которую мощными гребками безуспешно пытался догнать Эннио, добралась до самого большого дхони, а Умберто почти что уговорил Валентину и Дэни прыгнуть в воду.

Вопли мальдивцев перешли в истерику. Самоа вцепилась в борт лодки, перелезла через него и схватила ближайшего рыбака за щиколотку.

Она довольно улыбалась. Получилось! Теперь они будут спасены!

Пытаясь вырваться, рыбак хотел пнуть Самоа, но плюхнулся назад на дно лодки, как тарантул. Умберто видел, как он изо всех сил махал руками и ногами. Самоа протянула к нему руку и еще раз попросила помощи на мальдивском:

– Ханйехун! Ханйехун!

Они убили ее копьями – грубо заточенными палками, которые лежали в лодках. Самоа даже не успела закричать.

Первое копьё, брошенное старым рыбаком, пронзило правое плечо, острием зацепив ключицу. С его конца свисал кровавый кусок плоти, похожий на сердцевину яблока.

Умберто даже показалось, что он слышит хруст костей, но он приписал это воображению.

Да, *все* это, должно быть, лишь плод воображения.

Откуда-то издалека до Умберто доносились вопли Дэни и Валентины – гул голосов, приглушенных океаном, белый шум старого сломанного радио.

Самоа издала какой-то булькающий звук, а потом подняла руку, словно пытаясь защититься, но тут же еще два копьё вонзились в грудь и голову.

Одно застряло в теле, а второе прокололо левый глаз и вышло под затылком, над шеей. В кристально чистой воде расплылось алое пятно крови, похожее на блестящий красный лук.

Умберто чуть не стошнило, когда он увидел, с какой силой и каким безразличием рыбак вытаскивает копьё из черепа Самоа. Так вынимают крючок изо рта пойманной форели. Потом ее сбросили за борт. По телу Самоа волной прошли предсмертные конвульсии, как будто она плыла на спине. Наконец все было кончено, и труп пошел ко дну.

Убив Самоа, рыбаки набросились на соплеменника, к которому она прикасалась. Несколько сильных ударов плоской частью весел по кадыку, нанесенных с невообразимой яростью и жестокостью, – и он был мертв.

Дэни схватила Умберто за руку, но тот ее оттолкнул, ошалеv от происходящего.

Не дотрагиваясь до трупа рыбака, его сбросили в воду, подцепив копьем и накинув на шею петлю. Голова у него болталась, как у дохлой курицы, которую собираются ощипывать.

Валентина упала в обморок прямо в пухлые руки Дэни, исчерканные грязными дорожками соли и слез.

Последнее, что Умберто помнил отчетливо, – это то, как Эннио плыл назад. Он никогда не видел, чтобы кто-то несся с такой скоростью – не человек, а настоящая торпеда. Рыбаки же, подняв копья к небу, уходили от острова, прокричав напоследок: «Ресси! Хураа нубаи Дириури!» Запомнил Умберто и облако в форме мультяшного толстячка, из-за которого все происходящее казалось еще более нереальным и уродливо-комическим.

Потом в сознании Умберто все потемнело, будто из фильма его жизни кто-то вырезал кусок пленки.

Когда он снова вернулся в реальность (в ту же, которая была несколько часов назад, или нет?), то обнаружил, что стоит в кругу с тремя оставшимися в живых, босиком на дряблой серо-бурой земле: они только что сошли на берег, и кто-то говорит, что у них семь бутылок воды, три банки сока, швейцарский складной нож, завалившиеся на дне рюкзака бутерброды, несколько намокших книг, а прежде чем наступит ночь, нужно осмотреться.

Закат был ярким, как взрыв оранжевой краски. Тут и там виднелись выступающие из вод хрустального океана кораллы.

Смерть и страх искажали время – то ускоряя, то замедляя его бег по своему усмотрению.

Наступил вечер.

Они остались на острове.

Кое-как обследовать его удалось за пару часов: этого было достаточно, чтобы первое впечатление полностью подтвердилось. Негостеприимное место, безжизненная, бесплодная поверхность, внушающая страх.

Касаясь босыми ногами мягкой земли, Умберто чувствовал тревогу, тоску и уныние. Они, словно мелкие паразиты, ползали по нему, пытаясь отложить бледные, жирные личинки в его душе. А разум изо всех сил старался понять – что это за почва, в которой тонули ноги? Мох? Какие-то кораллы? Неизвестная геологическая порода?

Сложно было поверить, что где-то совсем недалеко от этого странного, бесформенного острова в райских уголках и пятизвездочных отелях, напичканных всевозможными удобствами, бурлит жизнь.

Сначала они гуськом обошли остров по периметру, следуя за Эннио и не проронив ни слова. Решили, что диаметр этого клочка суши не больше полутора километров. Потом отправились к склонам невысокого холма и перебрались через глубокий овраг цвета глины, на полметра заполненный

стоячей зловонной солоноватой водой.

Ни животных, ни насекомых, ни растений. Только невысокие, какие-то странные, чужеродные кустарники. Они не нашли ничего съедобного или того, что могло бы как-то пригодиться, и не увидели ничего, что порадовало бы глаз. Очевидно, Бог – или кто там наверху – давным-давно забыл про этот Остров Ничего, как окрестила его Валентина.

– Давайте заберемся на вершину холма. Это недолго. Оттуда наверняка будет видно лучше, – предложила запыхавшаяся Дэни, с которой ручьями стекал пот. – Может, сигнальный костер разожжем?

– Как? Как ты собираешься разжечь этот костер, черт тебя дери? – Эннио уже не был так уверен, что их скоро спасут, а Валентина снова начала терзать щеки ногтями.

Тем временем солнце наполовину спряталось за горизонт, превратившись в золотой купол, и на остров легли длинные тени. Тогда уцелевшие молча поплелись обратно к крылу самолета, которое они, проклиная тяжесть и жару, еще днем вытащили на берег. Решение приняли единодушно, даже не обсуждая, – обменявшись испуганными взглядами и поспешными кивками. Оставшуюся часть острова и холм они осмотрят завтра. Никому не хотелось провести ночь в центре этого клочка земли, у подножия возвышенности или среди чахлых трехлистных кустиков, тут и там торчащих из земли, словно иголки. По всей видимости, это единственная растительность на острове, да и вообще единственное жи-

вое, что здесь есть. Таких кустов – темно-зеленых, чуть ли не угольно-черных, усеянных бледно-розовыми плодами, они никогда раньше не видели.

В тропическом небе, освещенном огненными отблесками заката, с закрученными штопором облаками, одна за другой открывали глаза звезды.

Многие из них, подумал Умберто, уже давно умерли, превратившись в скопления газа и мусора.

А мы? Мы уже умерли?

Никому не хотелось спать на мягкой земле, поэтому они легли на обломок самолета, плечом к плечу. Женщины в центре, мужчины по бокам. И уставились на тонкую полосу света, стиснутую между небом и океаном.

Умберто пытался смотреть на пляшущие отблески заходящего солнца и ни о чем не думать. Да, такого заката он не видел никогда в жизни. Господи, пожалуйста, сделай так, чтобы нас начали искать.

Мы же итальянские туристы, максимум за пару дней...

– Как думаете, почему ее убили? – Валентина, постаревшая за несколько часов на двадцать лет, обвела их взглядом.

– А видели, как они набросились на другого рыбака, до которого дотронулась Самоа? Почему? – воскликнула Дэни.

– Какое-то местное суеверие. Понятия не имею.

– Трудно сказать. Но, как только мы вернемся в Мале, в посольстве обо всем этом узнают, уж я позабочусь...

– Эннио, – одернул его Умберто, – давай думать о том, что

происходит сейчас, а не о том, что будет. Сейчас мы на этом чертовом острове... Нужно установить норму еды и воды, мы ведь не знаем, сколько нам предстоит здесь просидеть, – Умберто принялся рыться в рюкзаке.

И достал оттуда намокшую книжку с загнутыми на многих страницах уголками. Оказалось, это карманный итальянско-мальдивский словарь Самоа. Кое-где чернила растеклись, но большинство слов все еще можно было прочитать.

– Что нам кричали рыбаки? – взволнованно спросил Умберто, вставая. – Самоа сказала, что они говорят о маленьком острове и повторяют слово «жить», помните? Ураа...

– Ураа... – подтвердил Эннио, хрустя пальцами. – Ресси ураа нубай дириури. Или что-то похожее. Они сто раз повторили!

В лучах заходящего солнца Умберто принялся листать словарь. Нашел «ураа» – действительно значит «маленький остров». Быстро просмотрел остальные страницы и нашел перевод других слов.

***Ресси:** призраки в мальдивском фольклоре.*

***Нубай:** невезение.*

***Дириури:** жить.*

Умберто поднял голову и увидел жуткую тень от холма, расплывшуюся по земле, как нефтяное пятно. Шмыгнул носом, стараясь скрыть волнение.

Остальные молча смотрели на него в ожидании.

– Ну что?

– Ничего. Я ничего не нашел, – ответил Умберто, убирая словарь в рюкзак. Снова уселся на обломок, а колени хрустнули, как сухие ветки. – Эх, сигаретку бы сейчас...

На Острове Ничего стало очень влажно и темно. Поднявшийся с океана туман вскоре закутал выживших в теплый липкий молочный кокон, приглушающий звуки.

– Давайте поедим и попробуем заснуть, – предложил Эннио, и только тогда Умберто понял, как устал за день.

У него обгорели плечи и спина. Сначала их жгло, потом он почувствовал озноб. Других солнце тоже не пощадило – красные лица были в пузырях. Туман светился мрачными размытыми красками.

Пропитавшиеся морской водой бутерброды есть было невозможно. Только Дэни все же взяла один и стала жевать, перепачкав весь подбородок. Когда ей сказали, что соленую воду пить не стоит, она и бровью не повела.

Каждому досталось по три глотка сока. Валентина в шутку сделала вид, что хочет выпить больше, чем договаривались, но Дэни озлобленно выхватила бутылку у нее из рук.

– Жирдяйка, – прошипела Валентина.

– Да пошла ты!

– Завтра вечером мы будем в безопасности, вот увидите, – с этими словами Эннио лег на спину и положил руки под голову – вылитый турист, который собирается провести ночь, наблюдая за звездами.

Но звезд больше не было – все окутал туман, от зноя за-

кручивающийся завитками у них над головой.

Умберто вспоминал истории, которые читал в детстве, — о чудовищах, о жутких приключениях путешественников, потерпевших кораблекрушение и ставших каннибалами, — скучный фильм с Томом Хэнксом. Но вскоре, убаюканный приглушенными всхлипываниями Валентины, задремал.

Остальные тоже уснули, и во время чуткого, беспокойного сна у них подрагивали веки и мышцы.

И тогда из темноты выбрались сны острова, чтобы навестить чужаков.

* * *

Самоа, с пробитым мальдивцами черепом, вставила два пальца в рану на плече и двигает ими вверх-вниз, между разорванными мышцами, вверх-вниз, легкими фрикциями двигает кости, будто мастурбирует в ране, заполненной морскими личинками; язык высунут, на лице маска агонии и желания, а в глубине мертвых глаз — межзвездная пустота и потухшие галактики.

Кости исполинских размеров на морском дне, усыпанном изуродованными кораллами, в которых спариваются и поедают друг друга рыбы и твари немислимых размеров.

Словно в бреду вальсируют китообразные божества, пробудившиеся ото сна в могилах из раковин и костей, кружатся в танце черепахи-планеты, вернувшиеся к жизни, чтобы

утолить голод и заполнить бездонную пустоту.

В вонючем панталассовом бульоне зияют катаракты тьмы, континенты со скрежетом сталкиваются друг с другом и взрываются лавой, серой и паром.

Половые органы размером с китов пульсируют и фонтанируют гирляндами сперматозоидов-планктона, моря, чтобы очиститься, всасывают вязкую жидкость, ультразвук чертит знаки вечных символов водорослями и космической пылью.

Половые железы-скалы покрыты пленкой слизи, инопланетные яйца спрятаны в расщелинах Времени.

Пиявки с кожей из космоса и материи.

Войны.

Эпохи.

Мгновения.

Гомункулы-микробы, швыряющие с утлых лодчонок тысячи костяных гарпунов в хребты, покрытые городками, улицами, башнями, замками, возведенными, чтобы бросить вызов небесному своду.

А потом падение.

А потом снова сон.

Новое пробуждение.

Новая любовь, новые цивилизации, новые конфликты. Новые поколения, новые смерти.

Циклы.

Болезни.

Исцеления.

Вопли микробов.

Ресси Ураа Нубаи Дириури!

Значимость пустоты.

Никчемность тщеславия.

Возвращение всего сущего, до самого последнего атома, к первобытной рвоте, исторгаемой вселенной.

Двадцать восемь, идиот! Бууум, придурок!

Фррррррр! Фрррррр!

* * *

Умберто очнулся, задыхаясь, не чувствуя своего тела, совершенно без сил. Вата тумана окутала его с головы до ног. Парализованный ужасом от кошмарных видений, прилипших к нейронам где-то на подкорке мозга, он не мог пошевелиться и только слышал вздох гигантского существа

Фррррррр! Фрррррр!

который отдавался внизу живота.

Он на самом деле это слышит? Или ему снится? Откуда этот звук?

Странное шипение, хрип неизлечимо больного, дыхание какого-то зверя, затаившегося в сырой норе... Умберто решил, что это просто ветер, шелестящий трехлистными кустами.

Вдруг он ощутил невероятно сильную эрекцию, упираю-

щийся в штаны член, и вздрогнул, почувствовав, что на бедрах засохла корочка ночной поллюции.

Проснулись и остальные, и тоже лежали молча и неподвижно, как статуи, глядя в полумрак широко раскрытыми глазами. Валентина бормотала что-то неразборчивое: «Блахагуат форс».

Начавшийся рассвет окрасил туман лазурью. Над миром страха и мглы, в котором затерялись четверо оставшихся в живых, по-прежнему разносился низкий гул, оказавшийся саундтреком к их трагедии.

Фрррррр! Фрррррр!

– Что это? Что это такое, ребята? Я хочу пить, – хриплым, болезненным голосом нарушила молчание Дэни. В этом тумане она казалась еще толще, чем была, – настоящий двуногий бегемот. – Это ветер? Мне такое снилось... какой-то бред. Кошмары. Мои руки и...

– Мне тоже. Но, наверное, в этом нет ничего странного, ведь вчера много всего случилось... – Умберто проговорил это так, будто убеждал самого себя. Порывы ветра били по щекам, обломок крыла противно вибрировал.

Слава богу, туман очень плотный. Хоть член и испачкан засохшей спермой, по крайней мере, не видно, что он стоит. Умберто поднялся, а за ним и Эннио. На фоне окружающей серости копна его волос напоминала куст, искалеченный бурей.

– Мне тоже снилось что-то странное, – выдохнул сици-

лице, а потом тихо-тихо, словно стыдясь, стал рассказывать без всякого выражения. – Мне приснилось, что нас спасли, и я вернулся домой, но в аэропорту, когда увидел друзей и семью, я вдруг понял, что мертв, мертв! Будто это я *–но в то же время и не я.* У вас когда-нибудь было такое? У меня внутри пусто, я как марионетка... которой кто-то управляет. Мама посмотрела на меня с ужасом и убежала, а папа начал чертыхаться... И все, все вытаращили глаза и бросились врассыпную, как будто увидели дьявола. У ограждения стоял полицейский, и я спросил у него, что случилось, а этот дурак начал смеяться, дурак, представляете... а потом достал пистолет, и я подумал, что он хочет убить меня, чтобы перестать смеяться, а вместо этого он вставил ствол в рот и, хохоча, нажал на курок...

– Эннио, хватит, хватит, пожалуйста, – пробормотала Валентина; впалые щеки и спутанные сырые волосы превратили ее в старуху. Ей тоже приснился кошмар, об этом можно было догадаться по изумленному, зачарованному взгляду, все еще блуждающему где-то в другой реальности.

Но Эннио продолжал говорить, словно не слыша ее, – медленно, уставившись невидящими глазами в океан. С ним что-то происходило. С ним явно что-то происходило. Рассвет наконец-то окончательно победил туман, и Умберто заметил, что у Эннио дергаются веки, а сам он качается, как лунатик.

– Полицейский выстрелил себе в небо и рухнул на пол, как

мешок с тряпьем, а через секунду я вдруг увидел себя со стороны – с потолка, как будто стал его частью. На голове у меня лежала медуза – огромная, больше воздушного шара. Но это была не обычная медуза из фильмов о природе, а древняя, первобытная. Она говорила со мной, лизала мой мозжечок, и мне было больно и хорошо одновременно, и шептала мне, что не все острова – это острова, и не все медузы – это медузы, и не все, что мы видим, на самом деле является тем, что мы видим. Вы меня слушаете, да? Эта медуза высасывала мой мозг через дырку в черепе, а когда высосала все, у меня в голове осталась только пустота, и эта гнилая пустота взорвалась на тысячу осколков, бум, и заполнила весь аэропорт и... там были еще какие-то *существа*, я плохо помню... Наверное, сирены. Да, точно. И Самоа. Боже мой, ведь Самоа убили мальдивцы. Сирены и спруты. И всякие твари... Да, огромные, размером с дом. С остров.

Услышав, что всегда прагматичный Эннио говорит такое, Умберто вздрогнул. Положил руку ему на плечо. Потряс.

– Эй, ты в порядке? Эннио?

Сицилиец моргнул, вздрогнул, а потом с изумлением уставился на остальных.

– Что случилось?

– Ты спал стоя. Говорил странные вещи. Все в порядке?

– Ну да. Вроде бы.

В утренних лучах тропического солнца туман начал рассеиваться и стало жарко. Видимость значительно улучши-

лась.

Умберто повернулся к Валентине. Настоящая дикарка. Тридцатилетняя девушка со спутанными волосами, грязными ногтями и в разорванной майке, открыв рот, с изумлением и отвращением смотрела на Дэни. На опухшие ото сна веки и двойной подбородок в подтеках слюны. На то, как Дэни весело разглядывает собственное предплечье.

Точнее, кость предплечья. На локтевой и лучевой костях осталось лишь несколько кусков плоти и мышц, с отчетливо видневшимися полукруглыми следами укусов.

– Я хотела есть. Очень сильно. И пить. Я умираю от жажды, – затараторила Дэни, оправдываясь, как девочка, которую поймали на краже варенья. А потом издала чудовищный вопль и всем своим весом рухнула на крыло.

– Что за херня?!

Один прыжок, и Умберто очутился рядом с Дэни. Ему показалось, что в воде, в паре метров от берега, плещется какая-то масса – как раз в том месте, где над океаном нависают оставшиеся облака тумана, похожие на клочки грязной ваты. Неужели прошло меньше суток, как их самолет разбился? А кажется, целая вечность.

– Дэни! Дэни! Что случилось, черт возьми?

– Я очень хотела есть. Очень. В животе было совсем пусто, – глаза у нее закатились, и Умберто с ужасом увидел, что рот и зубы Дэни все в крови. Между резцами застряли ошметки кожи и жира.

Она *обглодала* собственную руку до костей. И Умберто не сомневался, что это случилось, *пока она спала*.

Во сне.

– Валентина! Дай полотенце! Дай что-нибудь, надо ее перевязать!

Он смотрел, как Валентина, потрясенная, словно в транс, дрожащими руками роется в рюкзаке. Наконец, она протянула ему парео.

– Дэни, нельзя сдаваться. Ничего страшного не случилось, – соврал он. – Подержите ее. Надо... перевязать рану.

Когда он был бойскаутом, их учили накладывать повязки на небольшие ранки и царапины. Но никогда в жизни ему не доводилось видеть рану такого размера, видеть голые кости, порванные сухожилия, мышцы со следами укусов. Даже обработать ее было нечем – только если обмыть водой да прикрыть грязным парео. Он сделал все, что мог, то есть почти ничего. Спрашивал себя, как быстро начнется заражение и сколько крови потеряла Дэни в состоянии шока, пока кричала целую минуту в руках Эннио и Валентины, пока бормотала извинения и что-то непонятное о «кишках острова». До того, как потеряла сознание.

Умберто потрогал ее лоб, приложил ухо к внушительной груди. Сердцебиение было совсем слабым. Поднял взгляд и встретился глазами с перепуганными Эннио и Валентиной.

– Не знаю... выживет ли она, – пробормотал он.

– Что происходит? Скажи мне, что мы все еще спим, –

попросил Эннио.

Но Умберто нечего было ответить. К его ладоням, испачканным теплой кровью Дэни, прилипли кусочки мяса. Навязчивые кошмары спутали все мысли. Теперь туман поднялся совсем высоко, не имея больше сил прятать синеву неба и волн, и стало видно, как из воды, словно из арки подводного храма, выходит больное солнце.

Умберто добрал до кромки океана, и его желудок исторг горький поток желчи и отчаяния. У берега, казавшегося резиновым, поднимались брызги соленой пены, а черные водовороты рассеивали рвоту по воде.

Ветер высушил слезы, но когда Умберто увидел длинный след пены, бурлящей у побережья, как у борта корабля, он понял, что это вовсе не ветер гонит волны на проклятый атолл, на котором они оказались.

– Мы двигаемся! – заорал он. – Черт подери, эта *сволочь* шевелится!

Эннио и Валентина у него за спиной вглядывались в волны, поднимавшиеся у берегов все выше и выше.

Фррррр! Фррррр!

Откуда-то глубоко из-под земли доносилась странная вибрация, словно исполинский двигатель начал работать после долгого простоя.

– Валентина, останься с Дэни, – попросил Умберто, а потом посмотрел на Эннио. – Пойдем. Надо посмотреть, что там, на гребаном холме.

Это оказалось сложнее, чем они думали. Холм действительно был невысоким, с уступами на склонах, но совершенно гладким, мягким и скользким, в соленых разводах, что очень сильно затрудняло подъем.

Они соскальзывали, падали, поднимались на несколько десятков метров и снова падали, как мешки с картошкой, но вставали снова и снова, поддерживая друг друга. Умберто был уверен, что им вообще не удалось бы вскарабкаться наверх, если бы не прочно сидевшие в земле редкие кустики, за которые можно цепляться.

Пройдя половину пути, парни остановились на каком-то выступе перцового цвета, чтобы перевести дух.

– Я вообще перестал понимать, что происходит, – растерянно произнес Эннио. На осунувшемся лице резко выделялись скулы и глаза. – Недавно смотрел документалку о плавуем острове, который нашли в Новой Зеландии. Из пемзы лавового происхождения. Он плыл по течению, а через несколько дней затонул. Что думаешь? Может, мы на таком острове?

– Не знаю, – пробормотал Умберто, стараясь не смотреть, как волны плещутся у берегов. С возвышенности было еще лучше заметно, как двигается остров. Судя по положению солнца, на юг.

Движение казалось Умберто *осознанным*, да еще это непрекращающееся *фрррр, фрррр, фррррр...* Будто дыхание. Дыхание какого-то *живого* существа.

Вдруг в голове его промелькнуло детское воспоминание. И он решил рассказать Эннио.

– А может, мы высадились на Заратане.

– Зара-чем?

– На Заратане. Ты в детстве приключения Синдбада-морехода читал?

– Нет. Что за фигню ты несешь?

– Ну... Заратан – это *живой* остров, про него написано в нескольких старых сказках и даже в средневековых справочниках по зоологии. Это – спина кита или огромной черепахи, которым тысяча лет. Если кит или черепаха долго не уходят под воду, то на спине могут вырасти всякие растения, трава и даже поселиться маленькие животные. Иногда моряки принимали ее за настоящий остров и высаживались на него. Так, например, сделали Синдбад и его матросы, которые плыли по Индийскому океану, как и мы...

Сицилиец расхохотался и с таким исступлением начал чесать бороду, что стал похож на наркомана.

– Чушь какая-то. Не думаешь же ты, что...

– Нет. Да и вообще. Я не знаю, что думать. Но слышишь этот шум? Это точно не ветер, похоже на дыхание. Идет откуда-то *снизу*. И земля здесь какая-то странная. Как будто... кожа, жесткая и толстая кожа. И ты не можешь отрицать, что

мы двигаемся.

– То есть ты всерьез думаешь, что мы стоим на спине Зара-что-то-там?

– Да нет. Но, может, это и правда какое-то животное, китообразное или... Не знаю, зачем я все это говорю.

– Старик, да ты совсем помешался.

– Может быть. Но вспомни, как вели себя мальдивские рыбаки. Самоа дотронулась до острова, а потом до одного из них, и они убили обоих. А знаешь, что они говорили? Я вчера ничего не сказал, чтобы не напугать девчонок.

– Ну.

– Духи моря, остров, несчастье, жить. Может быть, они пытались сказать, что этот остров живой! Проклятая...

– Если ты ждешь, что я поверю во весь этот бред, то ты ошибаешься.

– Я ничего не жду, Эннио. Мне вообще все равно, окажись мы хоть на Сатурне. Я просто хочу вернуться домой.

– Я тоже. Пойдем, – Эннио смахнул пот со лба, сплюнул и стал взбираться по склону. Посмеиваясь. Через несколько шагов остановился и посмотрел на Умберто с мрачной иронией.

– И чем же кончается история Синдбада?

– Не помню. Вроде как остров-кит погружается в воду, и все тонут. Все, кроме Синдбада, – ответил Умберто, а потом замер, наморщив лоб. Снял рюкзак, встал поустойчивее на полусогнутых ногах, чтобы не съехать вниз.

– Что ты делаешь?

– Хочу кое-что попробовать. Это только сейчас мне в голову пришло.

Он достал из нагрудного кармана швейцарский складной нож *Invicta*, который они нашли в воде вместе с другими вещами. И вдруг почувствовал волнение, будто в его ничем не примечательной в течение тридцати восьми лет жизни должно произойти что-то из ряда вон выходящее.

Может, он жил не зря. Может, вся его жизнь нужна была, чтобы столкнуться с существованием невысказанного.

Умберто встал на колени, вытащил клинок и резким движением вонзил его в сероватую землю. В глубине разрез был темным, почти черным, как мякоть под рассеченной кожей. Умберто воткнул лезвие поглубже и вытащил из земли дряблые влажные ошметки, похожие на губку.

Сначала ничего не произошло. Потом Эннио издал стон отвращения, и Умберто поспешил отойти от получившейся щели. С краев потекло вязкое зеленое вещество, напоминавшее смолу. В нос ударил запах тухлой рыбы.

Они пошли дальше, не говоря ни слова, то и дело поглядывая на усеченную вершину холма. Только Эннио с чувством выругался на родном диалекте.

Тут Умберто увидел Валентину, которая медленно, шаг за шагом, цепляясь за кустики, поднималась вслед за ними по склону.

Они решили подождать ее и стали вспоминать, что ждет

их дома, что им было бы жалко потерять. Оказалось, не так уж и много. Друг друга они особо не слушали. Слова тонули в шуме. Они говорили только для того, чтобы не думать о пульсирующем хрипе, выходявшем из-под земли.

Когда Валентина добралась до них, у нее уже не хватило сил объяснить, почему она пошла следом. Но это было и не нужно. Они и так поняли, что выжить Дэни не удалось.

* * *

Валентину вместе с рюкзаками пришлось оставить на уступе. Она едва держалась на ногах и вряд ли смогла бы пойти дальше.

Еще через полчаса парни добрались до вершины. Чем ближе они подходили, тем более приторным становился и без того тошнотворный сладковатый запах.

Они подошли к краю обрыва, неровному, черному, покрытому синеватыми пятнами, похожими на лопнувшие капилляры. И увидели перед собой кратер диаметром метров пятьдесят.

– Видишь? Это просто остров вулканического происхождения, – сказал Эннио, ложась на живот и цепляясь за края кратера костлявыми пальцами, чтобы посмотреть вниз.

– Осторожнее.

Умберто стоял у него за спиной, стараясь не обращать внимания на безжалостно припекающее солнце. Отхлебнул

воды из бутылки, которую они захватили с собой, и устоялся на сицилийца, вытянувшего голову над кратером.

– Что там?

Тишина.

– Эннио?

Умберто на локтях подполз к нему и лег на живот. Так вибрация острова чувствовалась особенно сильно и отдавалась в груди. Эннио, не моргая, смотрел вниз. И шевелил губами, пытаясь что-то сказать, но не издавал ни звука.

Умберто подтянулся еще немного, ухватился за край кратера и приподнялся.

Охнул.

Он был готов увидеть все что угодно, но только не это. Захотел отползти, но не смог.

Это было великолепно.

Невероятно, потрясающе.

На секунду он вспомнил Валентину, Дэни и всех, кто умер: как жаль, что их здесь нет, что они не могут увидеть это своими глазами!

Бездна.

Живая, голодная, волнующая.

Ну конечно! Они *чувствовали* ее и раньше, подсознательно, в вялом течении жизни, в тот миг, когда гидросамолет потерял высоту. В кошмарах. Ночами, когда захлестывало отчаяние. С того момента, когда пришли в этот мир.

Умберто попытался подобрать слова, чтобы описать уви-

денное у себя в голове, но сознание затуманилось. Сколько же сотен лет этому живому острову, на который они попали совершенно случайно? В его природе он больше не сомневался. Сколько сотен лет бьется это сердце, бурлит эта бездна и куда она ведет?

Фрррр! Фррррр! Фррррр!

Кишка безжалостной бездонной тьмы с бордовыми стенками, покрытыми слизью и перепонками: рот-кишечник-глаз-дыхательное отверстие-волосок-нейрон-сфинктер, клыки и когти, кости и призраки, кошмарное и божественное, бездна, которая вбирала в себя и переваривала всю историю мира.

Вглядываясь в недра острова, в ту пропасть, где смешались самые низменные человеческие инстинкты, призраки и истории забытых эпох, Умберто Барбьери испытал какое-то экстатическое восхищение: в ней, в этой бездне, было что-то истинное. Откровение пустоты, ощущаемой каждым разумным существом, *вакуум* между звездами и галактиками, между Богом и людьми, между Добром и Злом. Пустота, *которая является частью каждого существа* и которая связывает их, связывает каждую молекулу и атом как паутина, пустота, без которой материя, мечты и вселенные не могли бы существовать и развиваться, пустота, *необходимая* для жизни, смерти, возрождения.

Остров Ничего. Остров Всего. Нет, он совсем не похож на зверя, которого встретил Синдбад-мореход или описал Пли-

ний Старший.

Нет, черт возьми, нет.

Заратан видел сны, и они видели сны вместе с ним, касались его нечестивого сердца, ловили едва уловимое сердцебиение.

И во всех это отзывалось по-разному.

Умберто вспомнил о Дэни, съевшей во сне собственную руку, о кошмаре про аэропорт, который приснился Эннио, о собственных страшных видениях, возбуждивших и заставивших кончить во сне.

Каждый заполняет пустоту по-своему, размышлял он.

Сотрясаясь в рыданиях, Умберто поднес руку к глазам. Он плохо видел. Веки слипались, как после долгого нездорового сна. Умберто отвел взгляд от разумной бездны и посмотрел на кончики пальцев. Алые. Он плакал кровью, и эти слезы упали в чрево острова. Бездна, казалось, сморщилась, приветствуя его и выражая одобрение.

А Эннио все еще смотрел вниз, вцепившись в край кратера с такой силой, что костяшки пальцев совсем побелели. Умберто хотел окликнуть его, но изо рта вырвалось лишь какое-то карканье. Сицилиец не обернулся, словно не замечая, что Умберто рядом. Он замороженно смотрел в бездну, кричал и дико хохотал, как полоумная старуха, с которой плохо обращаются в доме престарелых, как убийца, выполняющий свою безжалостную работу, как отец, которому приснилось, что его сын гибнет на бессмысленной войне.

Созерцание бездны для него обернулось безумием.

– Заратан-тан-тан! – распевал он как ребенок. Потом оттолкнулся ногами и навис над пропастью всем телом. Изведенный судорогами, дрожащий, словно живущий собственной жизнью язык свисал изо рта, как толстый бифштекс.

Эннио поднес ко рту мускулистую руку, сжал в кулак и схватил ее другой. Подвигал кулаком вверх-вниз, а потом резко дернул. Раздался звук, будто хозяйка привычным движением рвет тряпку, в горле захлюпало, с обожженных солнцем губ на мертвые сосочки закапала кровь.

Ужас и ликование слились воедино, стирая грань между разверзшимися преисподними.

Заратан забормотал. Из зараженной бездны вылетел вихрь пара, несущий запах смерти, морских кладбищ и инфекций.

Эннио вырвало кровью, и он швырнул в пропасть собственный язык, – подношение Богу Ничего. А потом встал на ноги и прыгнул туда сам, улыбаясь окровавленным ртом.

Изумленный Умберто уставился на летящее вниз тело, бившиеся о стенки кишки, которые теперь были покрыты стеблями, глазами, шипами и нарывами.

ФРРРР! ФРРРР!

Остров-левиафан приподнялся, а затем рухнул в воду, и грохот океана, разбитого титанической массой, стал похоронным маршем для кудрявого парня, сгинувшего в недрах Бездны.

Умберто больше не хотелось возвращаться домой. А хотелось остаться здесь. Навсегда.

Вдруг он почувствовал – за спиной кто-то стоит. Даже не оборачиваясь, понял, что это Валентина. И что она тоже смотрит вниз, зачарованная и уничтоженная этим зрелищем.

Кровь, лившаяся из глаз, туманила взгляд, но кое-что Умберто еще *видел*.

Задышавшись, он опустился на четвереньки, а потом снова поднялся и почувствовал, как Валентина взяла его за руку. Несколько часов они стояли, покачиваясь на краю Пропasti вместе с Заратаном, как двое молодоженов в шторм на палубе круизного лайнера.

Когда пришла ночь, Валентина пошарила в кармане шорт, пробормотала

*– Ресси Ураа Нубаи Дириури! Тридцать восемь, идиот!
Бум, придурок!*

и перерезала себе горло швейцарским ножом, распиливая сонную артерию сантиметр за сантиметром, словно нарезаая кабачок. Потом на фоне ночного неба, лишённого звезд, ее силуэт качнулся и, как труп жертвенной девы из старых фильмов ужасов, рухнул в бездонную тьму.

По острову растекались серебристые лучи пористой луны. Умберто ждал, ждал и ждал, дыша вместе с Заратаном.

Фрррр! Фрррр! ФРРРРР!

Ему казалось, он ждет с тех самых пор, как выбрался из материнского чрева.

Рев океана нарастал, превращаясь в бурю стонов и пены. Они плыли все быстрее.

Плыли по морю своего одиночества.

Сбросив одежду, Умберто стоял на ветру голышом, а потом на несколько шагов отошел от края кратера.

Разбежался, прихрамывая, и прыгнул вниз, размахивая руками и ногами.

Безумный вихрь закрутил в полете его тело.

Насытившись, Тварь-кариатида быстро и беспечно двигалась ко льдам Антарктиды, за колонны непознанного, преодолевая бранные буйки неизвестного; а когда погружалась в воду, возвращаясь в своих мечтах к бесконечности, из которой появилась, Умберто Барбьери с диким воплем все еще летел в Бездну.

Молочная кислота

Было пять тридцать вечера.

Вечера пятницы.

Серджио Бандини зашел домой, положил сумку с ноутбуком на диван и просвистел какой-то легкомысленный мотив.

Конец рабочей недели. Он немного устал, но в целом все идет отлично. Завтра ему тридцать два. А сегодня – вкусный праздничный ужин дома у родителей, подумал он, вынимая из заднего кармана джинсов мобильник.

Не переставая насвистывать, Серджио открыл список контактов и нажал на имя Кьяра. Три гудка – и раздался голос подруги.

– Привет! Ты уже дома?

– Привет, да, только что приехал. Как у тебя дела? Еще в офисе? – спросил Серджио, подходя к окну и окидывая взглядом улицу Мучеников свободы, очертания колокольни, небо над городком Орласко, уже слегка потускневшее в легких сумерках.

– Да, но скоро выхожу. Слушай, давай увидимся уже у твоих родителей? Я тогда прямо из офиса поеду к ним, домой заходить не буду, а то доберусь совсем поздно. А подарок у меня с собой, так что жди, подарю сегодня вечером.

– Да-да, встретимся у моих родителей, – смеясь прервал он Кьяру. – Отлично. – Она любила поболтать. – Слушай,

раз уж сегодня мы ужинаем у папы с мамой, я схожу на пробежку. Ненадолго, пробегу километров пять-шесть и назад. Чтобы совесть не мучила из-за обжорства.

Кьяра залилась звонким, кристально чистым смехом.

– Да ладно, у тебя же завтра день рождения, хоть иногда можно дать себе поблажку...

– Да, но мне сегодня прямо хочется, ты же знаешь, для меня это разрядка. Очень расслабляет.

– Знаю, знаю, это как наркотик и все такое, – хмыкнула Кьяра, и он передразнил ее, как умеют только влюбленные.

– Ладно, детка, я пойду, а то времени мало. Пробежка, потом быстро в душ, и в семь с небольшим встречаемся у родителей, окей?

– Давай, до встречи. Надеюсь, твоя мама приготовит тирамису.

– Разумеется! Пока.

– Серджио...

– Что?

– Я люблю тебя.

– Я... тоже – ответ прозвучал не так уверенно, как ему бы хотелось. Эти три простые слова Кьяра говорила редко. И каждый раз заставляла его врасплох. Но они чертовски поднимали ему настроение.

Раздался щелчок сброшенного звонка. Серджио положил телефон на диван, рядом с ноутбуком, еще раз глянул в окно гостиной, пытаясь вспомнить мотив, который насвистывал

несколько минут назад, и пошел переодеваться.

Стояла середина октября, но днем все еще было тепло. Можно ходить в шортах и легкой толстовке с капюшоном. Солнце сядет не раньше семи, вечером нехолодно и довольно светло. Он как раз успеет на небольшую пробежку.

Серджио снял костюм, натянул шорты, футболку и выцветшую толстовку *Miami Dolphins*. Взял Mp3-плеер и часы с GPS-трекером, чтобы отслеживать количество километров и среднюю скорость. Все, он готов. Надел кроссовки и пошел в ванную чистить зубы. Как всегда перед пробежкой. Своего рода ритуал.

Бегом он начал заниматься пару лет назад, когда, поднимаясь в квартиру, стал чувствовать одышку и желание откашляться. При том, что жил на первом этаже.

Он действительно набрал много лишнего килограммов, и неудивительно – Серджио всегда был любителем покусать и пропустить пару стаканчиков, а сидячая работа и лень довершили дело.

Да, спортивным меня не назовешь, ухмыльнулся он, застегивая часы на запястье.

Его первая пробежка обернулась большим разочарованием.

Надев кроссовки на слишком тонкой подошве, он побегал по округе. Километры грунтовых дорог, прорезающих кукурузные поля, запыленные и заросшие травой колеи от гусениц тракторов, тропинки, ведущие к ручьям и ороси-

тельными каналам, почти культовые места для всех влюбленных парочек из Орласко и окрестностей, где они могли хоть как-то уединиться. В этом тихом городке он жил уже два года, но ни разу не выходил за его окраины. А тут перед ним открылся другой мир.

Где-то через километр в правом боку закололо, хотя бежал Серджио не так уж быстро, но он не стал сбавлять темп, решив, что боль пройдет. Еще через полкилометра резь в боку сменилась пульсирующей болью в груди. Весь мокрый от пота, он остановился.

Обратно Серджио поплелся, едва переставляя ноги, запрокинув голову назад и жадно глотая воздух широко открытым ртом; руки безвольно болтались вдоль тела. Немного отдышавшись, он отругал себя на чем свет стоит – как можно сдать так легко, надо было потерпеть, боль бы прошла. Домой вернулся понурый и расстроенный.

Когда он рассказал обо всем Кьяре, то шутя, то разыгрывая драму, она хохотала до слез.

Серджио от своего не отступился. Продолжал бегать, спрашивал совета у друзей, читал статьи на эту тему в интернете, покупал подходящую одежду – нормальную обувь, комплект футболок из дышащей ткани, шорты и длинные брюки для тренировок зимой, смарт-часы. Он бегал по крайней мере три раза в неделю, после восьми часов работы в офисе, и постепенно обнаружил, что улучшить время и физическую выносливость можно только тренируясь регулярно.

Шаг за шагом, не нужно никуда торопиться, сказал он себе и постепенно вошел во вкус.

Потом, в один прекрасный день, после двух месяцев тренировок, ему удалось пробежать десять километров меньше чем за час. Может, это и глупо, но Серджио чуть не расплакался от радости. Все-таки для него это было определенное достижение.

Серджио стал тренироваться усерднее. Сбросил почти десять килограммов, наконец-то почувствовал себя подтянутым, в форме, и теперь готовился к своему первому полумарафону. Его ждал двадцать один километр страданий, пота и проклятий, но лучше пока об этом не думать. Впереди еще два месяца тренировок.

Он захватил ключи со столика в гостиной и спустился по лестнице, на ходу надевая наушники. Выйдя на улицу, остановился и посмотрел вдаль. На горизонте возвышались величественные Альпы, отбрасывая острые тени на городок на равнине. Из-за вершины Монте-Визо показались потрепанные пушистые сероватые облака. Солнечные лучи обвели их контуры яркой линией.

Серджио не спеша добрался до места, откуда обычно начинал пробежку (асфальтированная дорожка, которая через пару сотен метров переходила в извилистую грунтовую) и несколько минут посвятил растяжке.

Потом бросил взгляд на возвышающуюся над головой колокольню из красных кирпичей, покрытых мхом и голуби-

НЫМ ПОМЕТОМ.

Нажал на кнопку, запуская секундомер часов, два раза подпрыгнул на месте и побежал.

Первую сотню метров его сопровождали цапли.

* * *

За десять минут Серджио преодолел всего полтора километра. Намного хуже, чем обычно.

Видимо, он не в форме. Ноги жесткие, одышка, боль в икрах. Что ж, бывает. Возможно, именно эта непредсказуемость и нравилась ему в беге больше всего. Можно выйти на тренировку полным сил и энергии, как будто тебе снова двадцать, и показать отвратительное время, или установить личный рекорд, хотя перед началом пробежки чувствуешь себя развалюхой. Результат зависит от множества факторов. Питание, сон, стресс. Не сказать, что Серджио слишком обо всем этом заботился. Все же он был любителем и не запрещал себе удовольствия в виде сытного ужина, вина и пары сигарет.

Серджио немного прибавил темп и бросил рассеянный взгляд на тополя, мимо которых пробежал. Их шевелюры из листьев и веток отбрасывали усталые тени на красноватую глинистую землю. Вдалеке виднелись едва различимые темные силуэты старых деревенских домов, где ютились те немногие жители Орласко, которые по-прежнему работали

на земле.

В наушниках зазвучала старая песня группы «Rage Against the Machine». Названия он не помнил, но подзаряжала она отлично. По лбу, по соскам и по спине потек липкий пот. Порыв ветра капризно прошуршал в зарослях кукурузы и пронесся по дорожке, ударив Серджио по мокрому лицу. Он сбросил темп.

Бегал он всегда по одному и тому же маршруту. Почти идеальному кольцу, которое начиналось у колокольни и заканчивалось у плотины старого оросительного канала, в нескольких сотнях метров от дома. Серджио повернул направо и краем глаза увидел массивный силуэт колокольни, которая только что была у него за спиной. Во время первых тренировок, когда он еще плохо знал дорогу и мог заблудиться в лабиринте узких проселочных дорожек, этот ориентир сослужил ему неоценимую службу.

Он посмотрел на часы. Три километра за семнадцать минут и двенадцать секунд. Еще минут двадцать или даже меньше, и он будет дома, стоять под горячим душем.

Давай же. Шевелись! Слабо тебе, что ли? Если не выбежишь километр из пяти тридцати, никакой ты не мужик, сердито проворчал он. Серджио всегда подгонял себя так – аля мачо, хоть со стороны, наверное, звучало забавно. Обычно работало.

Но не в тот вечер.

Серджио почти добежал до места, где дорога поворачи-

вала обратно, когда заметил тропку, вьющуюся по огромному зеленому лугу, на котором фермеры, видимо, пасли овец. Наверняка она была здесь и раньше, просто он не обращал внимания. Всегда бегал по привычной дороге, шедшей параллельно и маячившей в ста метрах впереди, в песчаной пыли, освещенной солнцем, лучи которого уже касались горных вершин. Скорей всего, эта, неприметная, тоже вела к небольшой плотине, где заканчивался маршрут.

Сам не зная почему, Серджио, отдуваясь, рванул по тропинке. Он устал и, наверное, надеялся, что она короче, а значит, быстрее приведет его домой. Поможет срезать путь.

Плеер включил «Run Like Hell» группы «Pink Floyd».

Он подумал о Кьяре и родителях, которые ждали его на праздничный ужин, и представил, как мать, с собранными на затылке волосами, накрывает на стол, красивая и немного грустная.

Серджио вытер лоб тыльной стороной ладони и пробежал триста метров, с силой выбрасывая бедра вперед. Тропинка была чуть шире, чем оставленный трактором след, вся в ямах и кучках щебня. Он бежал посередине, по зеленой полоске каких-то злаков, сорняков и завядших цветочков львиного зева. Через пятьсот-шестьсот метров, подумал Серджио, он выберется на главную дорогу.

Сплюнув в траву беловатый комок слюны, Серджио стал разглядывать тощие деревца, растущие по краям дороги. Буки. Чем дальше он бежал, тем гуще становились раздетые

осенью заросли. Деревья, словно бездомные скитальцы, с мольбой протягивали к нему свои ветви. Чтобы увернуться от них, Серджио несколько раз переходил с одной стороны дороги на другую. Потом постарался ускориться. Если верить смарт-часам, в среднем он пробегал километр примерно за пять минут двадцать секунд. Хорошо.

Оторвав взгляд от циферблата, Серджио посмотрел направо. Вдалеке виднелись дубы, темно-зеленые верхушки которых решительно пригнул ветер. Их кроны напоминали огромные засохшие шарики сахарной ваты. Деревья качались над старым домом с провисшей местами кровлей; возраст и непогода оставили на черепице отчетливые следы. Вид дома нагонял тоску. Нет, он не выглядел зловещим – скорее заброшенным, а запустением веяло от всего пейзажа, от того, как солнце освещает его своими лучами, от теней, отбрасываемых постройками.

Серджио задумался: *Я никогда раньше не замечал этих деревьев. Да и этого дома тоже.*

Стараясь бежать быстрее, он удлинил шаг. Осенний ветерок, еще несколько минут назад приятно обдувавший потное лицо, стал промозглым и холодным. Тучи начали перебираться через Альпы, как армия пепельно-серых неуловимых воинов, пряча острый пик Монте-Визо и часть солнца, которому, однако, пока хватало сил, чтобы освещать равнину.

Еще один километр, – и я дома, подумал Серджио, и начал

финишный спурт.

Пот липкой патиной покрывал спину и бедра, капли с груди стекали в пупок.

– Ну же, поднажми, – сквозь зубы процедил Серджио, пытаясь восстановить дыхание.

Заросли сгустились, а деревья, сплетаясь длинными, изогнутыми ветками, образовали темный, сырой коридор. Но через несколько метров стволы вдруг стали тоньше, и последние лучи заходящего солнца смогли просочиться сквозь кривые ветки. На какой-то миг Серджио ослепил резкий переход от тени к свету, и он зажмурился, прежде чем смог снова увидеть, куда ставит ноги.

Впереди, где заканчивались деревья и начиналось поле с высохшими стеблями кукурузы, показался конец тропинки, упиравшийся в дорогу.

Вот и все, осталось совсем чуть-чуть.

Серджио добежал до конца и повернул направо, но тут же почувствовал: что-то не так. Сначала не мог понять, что именно. А потом до него дошло.

Сотню раз он бежал домой и всегда видел колокольню.

Но сегодня ее не было.

Только дубы и ветхий фермерский домик, вызывавшие смутное беспокойство. Их он видел впервые. Колокольня, по всей логике, должна находиться на прямой линии между ним и домом или чуть-чуть в стороне.

Но никакой колокольни там не было. Она как сквозь зем-

лю провалилась! Точнее, это земля прожевала ее, проглотила и переварила.

– Вот дерьмо, – выругался Серджио, продолжая бежать на месте и крутясь во все стороны в попытке отыскать ориентир.

Невдалеке он увидел забор, а за ним участок. Да, забор знакомый, обычно там возилась пара рычащих комков шерсти. Сегодня собак не было, но бежит-то он в правильном направлении. В правильном ведь, да? Точно?

Какой же я дурак, что поменял привычный маршрут, подумал Серджио. А может, повернуть назад и через мрачный коридор букв вернуться на дорогу, по которой бегал десятки раз? Так он будет уверен, что спокойно доберется до дома... Но тогда придется пробежать лишние два-три километра, а праздничный ужин начнется уже через час...

Серджио решил не возвращаться и медленно побежал вперед, по знакомому деревянному мостику, перекинутому через ручей, – еще одно подтверждение, что он выбрал правильное направление. Вдруг справа от него показалась крыша колокольни. Сердце радостно забило. Выдохнув, Серджио ускорил бег, подгоняемый адреналином и мыслью о роскошном ужине. У него не хватило духа признаться себе, что колокольня сейчас находится намного правее, чем обычно.

По небесной плите из голубоватого мрамора, сомкнув свои ряды, быстро мчались облака, словно готовые к бою

солдаты захватнической армии.

* * *

Грунтовая дорога поворачивала направо. Серджио сбросил темп и сплюнул в придорожную пыль. Вытащил из ушей наушники, выключил плеер и убрал все в карман.

Вообще-то здесь дорога должна поворачивать налево по широкой дуге. А эта идет в другую сторону, спускается по склону и теряется на лугу с растущими кое-где тополями. Колокольня снова оказалась у него за спиной.

– Проклятье! – громко выругался Серджио, и ему показалось, что эхо передразнило его.

В тени тополей на лугу дорога оборвалась. Серджио побежал медленнее, потом остановился, задыхаясь, согнулся пополам и уперся руками в бедра.

Его дом должен быть в другой стороне, рядом с колокольней. Вот идиот, сказал себе Серджио. Надо возвращаться. Другого выбора все равно нет.

Он развернулся и медленно побежал назад. Через триста, максимум – четыреста, метров он должен пересечь ручеек, а потом добраться до буковой аллеи, которая и завела его в тупик.

Спустя несколько минут Серджио глянул на часы и не на шутку встревожился – он пробежал уже километр, а ни реки, ни тропинки все еще не было.

Казалось, злое божество вырвало откуда-то кусок дороги и приклеило на выбранную им тропинку, как в старом пазле, части которого можно соединить как захочешь.

Серджио хотел домой. Часы показывали половину седьмого, вечерело. Его тень, едва заметная, тянулась по земле, как неживая долговязая кукла.

Смеркалось.

Не было слышно ни звука.

Словно и ветер тоже потерял голос. Хотя продолжал настойчиво ворошить траву и гладить тучи, которые становились все гуще, все темнее, все зловещее.

Если бы он просто услышал карканье вороны, трещание цикад или рев трактора где-нибудь вдали, и то стало бы легче. Но в тишине раздавалось только его хриплое дыхание, да кровь громко пульсировала в висках, как река, вышедшая из берегов.

Серджио остановился, пытаясь отыскать взглядом какое-нибудь знакомое дерево, дом или хотя бы копавшегося в земле фермера, у которого можно спросить дорогу.

Но тропинка тянулась до самого горизонта. Казалось, у нее нет ни конца ни края. Не видно было ни одной пересекающей ее дорожки. Ни одного поворота. Только прямая полоска пыли и щебня, и убранные поля, и щебень, и клубы тумана, поднимавшегося от земли. Серджио зажмурился, открыл глаза, покрутился в разные стороны и вдруг увидел колокольню... и ахнул от неожиданности, прикрыв рот рукой.

Это невозможно. Она была так далеко! Еле заметный черный обрубок, силуэт которого вырисовывался на фоне неба, кособокая ракета из романа Жюль Верна. Сколько до нее километров? Семь? Восемь? Такого просто не может быть!

Серджио посмотрел на часы. Он пробежал уже почти одиннадцать километров.

Нет. Вернуться ему не удалось. Время и пространство словно шли своим собственным путем.

В груди заболело.

– Боже, – пробормотал Серджио и заметил, что слюна стала белой и вязкой. Она напоминала жирных скользких слизней, которые после осенней грозы выползают на тротуары. Закрыв глаза, он сделал два глубоких вдоха.

Его ждали дома. Кьяра, мама, папа. Ждали, чтобы отпраздновать день рождения. Он должен был прийти к половине восьмого. Но даже если бы сразу нашел правильный путь, то все равно бы не успел.

Он подумал о доме и немного успокоился. Представил, как отец открывает бутылку, барберу, да, насыщенно-рубинового цвета, и густая маслянистая жидкость рисует симметричные, блестящие узоры на стекле бокала. Ему казалось, что он чувствует яркий вкус вина во рту и благотворное тепло алкоголя.

Вот мать через освещенное стекло духовки смотрит, не готова ли лазанья, пенящаяся пузырьками расплавленного сыра. Вот Кьяра заливается звонким, мелодичным смехом.

Дом наполняется запахом вкуснятины. А вот Леди, собачка родителей, завалилась на спину, чтобы ей почесали живот, и лазанья, да, лазанья...

У Серджио потекли слюнки, пришлось пару раз сглотнуть. Желудок заурчал – громко, будто бы с яростью.

Потом на нос упала капля. Ледяная. Картины в воображении стерлись, и он вернулся в реальность. Начинался дождь, и Серджио подумал, каким же дураком был, что не послушал мать, которая просила его брать на пробежку мобильник: мало ли что случится. Но он не хотел, – мол, телефон в кармане будет мешать, бегать с ним неудобно.

Идиот...

Он зажмурился, снова открыл глаза и обхватил локти руками. Становившийся все сильнее ветер продувал влажную от пота толстовку, охлаждал голые мокрые ноги. По небу металась черная облака, как призраки из пара и дождя, подгоняемые ветрами, которые рождались на ехидно ухмыляющихся горных вершинах.

Через минуту дождь заморосил сильнее. Но холод привел Серджио в чувство.

Ты поддался панике. Идиот. Умудрился заблудиться. В паре километров от собственного дома. Все это ерунда. Ничего страшного не произошло. Ищи дорогу домой.

Он пару раз глубоко вдохнул влажный воздух, отчего в груди снова заболело, а потом рассмеялся, качая головой.

Решение-то очевидно. Он заблудился? Окей, но ведь не

обязательно идти по дороге!

Он побежит прямо через поле в направлении колокольни. Да, промокнет, промочит ноги и испачкается в сырой глине, но каких-нибудь двадцать минут – и он окажется в центре Орласко!

Позвонит домой, расскажет родным о своем маленьком злоключении, а потом они посмеются над этим, сидя за столом, все вместе, немного пьяные и счастливые. Серджио уже представил себе едкие замечания отца.

Но придется поспешить. Пока колокольню совсем не поглотили сумерки.

Да, надо торопиться.

Пока не стемнело.

* * *

Минут десять он шел быстрым шагом по этой вязкой, неприбранной земле, не сводя глаз с колокольни, как вдруг ему стали попадаться фруктовые деревья. Яблони, киви, кое-где – персики. Казалось, их высадили без всякой логики. По немногим еще не облетевшим листьям барабанил дождь, выстукивая оглушительную мелодию.

Стараясь уклониться от веток, Серджио, как слаломист, вилял между деревьями. Время от времени он оборачивался, чтобы посмотреть на дорогу, – надеялся увидеть автомобиль, трактор или фермера на велосипеде.

Когда дошел до конца сада, ему послышалось бормотание мотора. Резко развернувшись, он зашагал назад, не сводя глаз с линии горизонта. Вдруг споткнулся о корень, замахал руками, неуклюже пытаясь сохранить равновесие, и увяз по щиколотку в жидкой грязи, похожей на слизь. Как в зыбучих песках, мелькнуло в голове, когда он выбирался, ругаясь и пытаясь отряхнуть кроссовки. Ноги очень замерзли. Носки приклеились к ступням, словно вторая кожа.

– Черт!

Похоже, за рев двигателя он принял раскаты грома. Засверкавшие в небе молнии напоминали процессию скелетов, переливавшихся лиловым электрическим светом. Серджио снова приказал себе успокоиться. И продолжал идти вперед, лавируя между стволами.

Выйдя из странного фруктового сада, он оказался перед речкой, с зеленой, почти стоячей водой. Берега крутые, метра четыре-пять в высоту, но сама речка мелкая, извилистая, вся закиданная пластиковыми пакетами, крышками и банками. Дождь рисовал на поверхности воды концентрические круги, похожие на глаза призраков в болезненном свете заката. Серджио покрутил головой по сторонам в надежде увидеть мост. Ничего. Ничего не было видно из-за стены дождя и страха.

Ну и ладно. Он перейдет ее вброд. Все равно уже вымок до нитки, да и вся-то речка – метров пять в ширину, не больше. Серджио еще раз проверил, где находится колокольня, –

да, по-прежнему прямо перед ним, тень среди теней, и начал спускаться, поглубже вставляя подошвы в глину, чтобы не упасть. Однако берег оказался более крутым и скользким, чем он ожидал. Хорошо, что можно цепляться за пучки травы, крепко державшиеся в почве. Руки измазались зеленью, но Серджио почувствовал себя увереннее.

Добравшись до середины спуска, он услышал лай собаки где-то вдалеке. Первый звук за двадцать минут (если не считать дождь и его собственное дыхание), но такой, что мороз пошел по коже.

Лай собаки... Похоже на то. А вдруг это плач ребенка, упавшего в колодезь? Или крик фермера, ногу которого затянуло в комбайн? Или мольба о помощи проститутки, избитой толпой наркоманов? Или...

– Ты вообще нормальный? Что ты несешь? – прошептал дрожавший как лист Серджио, продолжая спускаться. Все это так странно: мысли будто бы принадлежали кому-то другому, но разбираться, откуда они взялись, времени не было. Серджио поскользнулся, шлепнулся на задницу и поехал вниз. Ушибся не сильно – спасли трава и мягкая рыхлая земля – и через пару секунд уже сидел на крошечной полоске песка и камушков перед самой речкой.

Встал, отряхнул шорты (улыбнувшись бесполезности этого занятия) и начал «переправу». Прыгая по серым булыжникам, которые словно подмигивали, когда на них набегала волна, он добрался до середины и на секунду остановился

на большом камне, чтобы перевести дух. Потом отправился дальше, но было уже темно, плохо видно, и через пару прыжков он свалился в воду.

Как в колотый лед. Большие пальцы сразу заоченели. По водорослям и грязи, поднимая брызги, Серджио побежал к берегу. Крутой склон полностью скрыл колокольню из виду.

Его охватила настоящая паника. Что, если с другого берега ее не видно?

Он потерялся.

Здесь.

В грязи.

В пустоте.

В темноте. Промозглой. Ядовитой. Бездушной.

Он стал карабкаться по склону, цепляясь за землю, и, ударившись о камень указательным пальцем правой руки, почувствовал, что сорвал ноготь. В ту же секунду боль прострелила всю руку.

Стиснув зубы, он заставил себя не обращать на нее внимания.

И продолжал подниматься, постанывая и тяжело дыша. Скатывался вниз, но снова и снова вставал, словно бежал по дьявольской беговой дорожке, наклоненной на сорок пять градусов, покрытой скользкой глиной и травой. На четвертой попытке, когда он почти забрался на берег, из-под ноги выскользнул ком глины. Серджио рухнул, как марионетка. И даже не успел закричать.

В правый бок врезался черно-белый камень, торчавший из земли, будто сломанный зуб. Звук, напоминающий хруст сухой ветки, эхом разнесся по округе. За один выдох из легких Серджио вышел весь воздух.

Он попытался закричать, но не смог.

– Боже, Боже, Боже, Боже, – хрипло шептал он, извиваясь на земле.

Было больно. Очень. Дышать он не мог. А когда пощупал пальцами ушибленный бок, пламя боли охватило все тело, а из глаз брызнули искры.

За несколько лет до этого Серджио в пустяковой аварии сломал себе ребро. Сейчас ощущения были точно такими же.

Давай же. Вставай. Нужно добраться до колокольни, пока не стемнело окончательно.

Серджио пошарил вокруг, нашел довольно длинную ветку и встал на ноги, опираясь на нее, как на костыль. Он пытался представить себе, что сказала бы Кьяра, если бы увидела его в таком состоянии – испуганного, отчаявшегося, как ребенок, потерявший родителей в супермаркете.

И снова начал взбираться по склону.

Медленно.

Осторожно.

Опираясь на импровизированный костыль.

При каждом шаге он чувствовал острую боль в боку. При каждом выдохе – какой-то шум и легкое шипение, будто из сломанных мехов выпускали воздух. Он уже понял, что ужи-

на в честь дня рождения не будет. Ни вина, ни лазаньи, ни смеха, ни задушевных разговоров за столом.

Если я смогу найти дорогу домой, то ночь проведу в больнице, тут и думать нечего. Собственное сомнение неприятно поразило его. Почему — «если»? Разумеется, найду! Я же. Здесь. В Орласко. Господи боже.

Стараясь не думать о боли, Серджио продолжал карабкаться дальше. Наконец выбрался из оврага. И как сумасшедший стал лихорадочно озираться по сторонам, пытаюсь разглядеть силуэт колокольни.

Лил дождь. В центре Орласко зажгли фонари. И на фоне их бледного сияния, дрожащего на ветру, показался профиль колокольни.

Она стала ближе.

— Да! Да, черт возьми! — воскликнул Серджио и тут же пожалел об этом: тело пронзила молния боли.

Ничего не оставалось, кроме как идти вперед. Упрямо тащиться в направлении колокольни и мерцающих огней городка.

Он включил подсветку часов, загорелся циферблат.

Позади семнадцать километров. Почти полумарафон, подумал он, и расхохотался неестественным, зловещим смехом.

Полвосьмого.

Уже совсем стемнело, только вдалеке виднелся электрический свет фонарей. Маяк в ночи. Полярная звезда в океа-

не смятения.

Снова послышался зловещий собачий лай. Казалось, он стал ближе.

Но Серджио упрямо шел вперед.

* * *

Ничего не видя в темноте. По полям. Под проливным дождем. Запинаясь о корни или траву и с помощью костыля пытаюсь удержать равновесие. В боку сильно болело. Когда он несколько раз кашлянул, из легких вырвался какой-то пугающий звук.

Может, я сломал ребро, и оно пробило какой-нибудь орган. Может, я умираю.

Он почувствовал соленый привкус во рту и не мог сказать наверняка, мокрота это или кровь. Страх начал размывать плотину надежды.

Потеряться вот так?! Невозможно, просто невозможно! Это ночной кошмар. Один из тех жутких кошмаров, которые никогда не заканчиваются, а повторяются снова и снова. Из-за которых ты весь следующий день чувствуешь себя разбитым и подавленным.

Его мучила жажда. Он вымок до нитки, хотел есть. Руки и ноги окоченели. Зубы дробно стучали, словно укушенная тарантулом девушка играла на кастаньетах.

Жажда. Он подумал о вине. О просекко...

Голод. Лазанья в духовке, жареная картошка, грибы в панировке, тирамису, груда савоярди в маскарпоне...

Холод. Мать в детстве сушила его волосы феном, а самого укутывала в полотенце, снятое с батареи.

Усталость. В постели обнаженная Кьяра прижимает его к себе.

Низко опустив голову, Серджио побрел дальше. Он совершенно выбился из сил, но воспоминания немного успокаивали. Время от времени он бросал взгляд на колокольню.

Вдруг прямо перед ним из темноты возник куст ежевики. Огромный, черный, с густо разросшимися ветками. Почти живой. Шипы вцепились в толстовку, шорты, оцарапали руки. Серджио отступил. Штанина зацепилась за шип и порвалась до самого низа. Он автоматически стащил шорты и бросил на землю. Потом поднял голову.

Колокольня уже совсем рядом. Километрах в двух-трех. Воспряв духом, Серджио с проклятиями принялся лупить по ежевике палкой-костылем, пытаясь пробиться сквозь ветви, словно браконьер, расчищающий путь в джунглях с помощью мачете.

Но куст ежевики был неприступен.

Сил у Серджио не осталось.

У него болели плечи, как будто он нес тяжеленный рюкзак, и дрожали ноги. Молочная кислота. Враг всех спортсменов, она проникала в мышцы, ткани, плоть. Серджио представил себе эту токсичную жидкость, вырабатываемую соб-

ственным организмом, которая поработала тело, как инфекция, эту белую вязкую сыворотку, которая впрыскивалась в клетки, поднималась по ногам, вверх, все выше, пока не добиралась до мозга, чтобы парализовать его, превратив в белую безжизненную губку. Он потряс головой, пытаясь избавиться от жуткой картинки.

«А молочная кислота действительно белого цвета?» – задумался он, и этот дурацкий вопрос, казалось, привел его в чувство.

Придется обходить куст. Пробраться сквозь него он не сможет – просто застрянет внутри, а через несколько месяцев кто-нибудь обнаружит его скелет в одних трусах и толстовке *Miami Dolphins*. Нет, нужно искать обход.

Он посмотрел направо и налево, чтобы выбрать, куда идти, и понял, что это не просто куст.

А настоящая стена.

Дорогу ему преграждала крепость из ежевики, простирившаяся так далеко, куда только хватало глаз, уже привыкших к темноте. Колючая, неприступная стена несуществующего форта.

Творилось что-то странное, отрицать этого он больше не мог. В тот вечер творилось что-то странное, что-то ужасно неправильное, а у него уже не было сил, чтобы это исправить. А может, он бы *ине сумел*, может, все зависело не от него.

Дождь внезапно прекратился, словно в небе кто-то закрыл гигантский кран. Облака расступились, и желтая, как

ной, луна вылезла из рваных кусков тумана, немного осветив округу.

Серджио, в одних трусах, с костылем в руке, рухнул в грязь. И разрыдался. Ему стало стыдно, но лишь на мгновение. Наплевать, как это выглядит, – у него больше нет сил, и он не знает, что делать. Остается только сесть вот тут и заплакать. Он просто не мог иначе.

Сначала Серджио тихо всхлипывал, потом отчаяние сдавило грудь, он зарыдал во весь голос и закричал: «Помогите! Кто-нибудь, помогите мне! Мама! Папа! Мама! Ау, кто-нибудь меня слышит? Я заблудился, черт подери! Помогите-и-и-и-ите!»

Страх прорвал плотину надежды. Сидя в грязи, Серджио выл, как бродячая собака. Потом затих и попытался прокрутить в голове события этого вечера, но ничего не вышло. Его охватила тоска, завладевшая каждой клеточкой тела, как сыворотка, как молочная кислота.

Все вокруг стало другим. И он сам. То, что произошло за последние два с половиной часа, перевернуло его жизнь. Может, это было бы смешно, если бы не было так ужасно.

Сквозь пелену слез он посмотрел на часы.

Восемь вечера. Дома, наверное, уже волнуются.

Да! Точно! Они подождут еще чуть-чуть, потом попытаются дозвониться на мобильник и в конце концов вызовут карабинеров!

Нужно выбраться на дорогу. Все равно на какую. Просто

встать на дороге и ждать. В худшем случае придется переночевать тут, а помощи искать уже завтра утром. Снова взойдет солнце, от его лучей на землю лягут тени, наступит новый день, город проснется, и люди выйдут на улицу, чтобы заниматься привычными делами, пахать поля и бегать. И все снова будет так, как должно быть.

Что со мной происходит?? Голова вообще перестала соображать. Вообще!

Он поднялся, подобрал мокрые рваные шорты и завязал их шнурком на поясе. Член совсем съезжился и висел как мокрый, грязный кусок кожи.

Покачиваясь, словно пьяный бродяга, Серджио поднял глаза и увидел свет. Вдалеке в воздухе висел желтый прямоугольник. Окно. Окно деревенского дома.

Застонав от боли в боку, он наклонился из последних сил, подобрал палку-костыль и захромал в сторону света. Луна тускло освещала поля, но было слишком холодно. Неестественно холодно для конца октября. Пальцы на правой руке совсем онемели и едва держали костыль.

Он шел целую вечность, пока, наконец, не добрался до дороги. Время от времени оборачивался и, прищурившись, пытался разглядеть силуэт колокольни. Несмотря на лунный свет, ее не было видно.

Он добрался до конца поля. Там начиналась грунтовая дорожка, вся в жидкой грязи и лужах, в которых отражался бледный свет червивой луны. До освещенного окна остава-

лось метров триста. Казалось, дорога ведет именно туда.

Слава богу. Господи. Спасибо, спасибо Тебе.

Шагов через сто, каждый из которых был мукой, Серджио увидел пятно света недалеко от старого кривого платана. А подойдя ближе, понял, что перед ним – маленькая деревенская часовенка, где обычно стоит статуя Мадонны или какого-нибудь святого.

Серджио дошел до ограды часовни, освещенной парой фонарей, и ненадолго остановился, чтобы собраться с силами. При каждом вздохе в груди что-то царапало и скрежетало.

Да, перед ним была маленькая статуя Мадонны, а вокруг – несколько ваз с увядшими цветами.

Серджио облокотился на калитку, закрыл глаза. И непроизвольно пробормотал молитву, хотя не делал этого уже давно.

Потом открыл глаза, внимательно посмотрел на статую и отшатнулся.

У Мадонны не было ни рук, ни головы. Точнее, голова была, но чужая. Какой-то сумасшедший, а может, дети, приставили ей голову куклы. Без глаз, без волос, с широко раскрытым ртом, застывшем в вечном пластиковом крике. В темноте – совсем как мертвый ребенок.

Какое-то издевательство, дьявольская насмешка...

Серджио стиснул зубы и пошел дальше к домику. Спрашивая себя: что подумают его обитатели, когда увидят чело-

века почти без одежды, вымокшего до нитки и... немного не в себе?

Да какая разница? Лишь бы согреться, убедиться, что ему окажут помощь, и обнять близких.

Кьяру.

Папу.

Маму.

Он добрался до забора, потом прошел еще метров сто и оказался перед дверью.

Внутри по-прежнему горел свет, просачивающийся наружу сквозь белые шторы. Это был обычный старый фермерский дом, в деревушках Пьемонта таких много. Часто казалось, что их хозяева отстают от жизни на несколько десятилетий, хотя они вполне обеспечивали себя, обрабатывая землю и держа домашний скот. Их презрительно называли «баротти».

Но Серджио не было дела до того, что их считают грубыми и неразговорчивыми. Ему просто нужен телефон, одеяло и какая-нибудь еда. Он позвонит Кьяре, скажет, что с ним все в порядке. Потом спросит адрес дома и вызовет скорую помощь. Во рту по-прежнему чувствовался привкус железа. А в боку, которым он ударился в камень, что-то царапало... изнутри.

Он едва держался на ногах. Хотелось просто сесть и не двигаться с места. Серджио поискал колокольчик на входной двери, но его не было.

Ладно. Можно и без него обойтись. Он постарается, чтобы его услышали.

– Эй! – закричал Серджио и почувствовал в горле невыносимое жжение. Сглотнул пару раз, а потом заорал снова: – Помогите мне, пожалуйста! Я... я упал, что-то себе сломал. Мне нужна помощь. Вы меня слышите?

Прошло несколько секунд. Тучи, чернее ночи, сгрудились вокруг луны и проглотили ее, заточив в своей утробе.

Тьма стала бы крошечной, если бы не слабый свет из окна. Прямоугольник света, обещавший спасение, избавление, отдых.

– Вы меня слышите? Откройте, пожалуйста!

За занавесками, качаясь, двигалась тень. Голова, растрепанные волосы, сгорбленные плечи, – возможно, старушка. Вдруг штору на несколько мгновений чуть-чуть отодвинули, мелькнула чья-то рука. Из дома кто-то пристально на него смотрел.

– Я здесь, – крикнул он из последних сил. – Здесь!

Потом в доме заходили, заговорили. Голоса почему-то показались ему знакомыми. Хорошо, значит, его заметили и услышали. Теперь он в безопасности.

– Спасибо! Спасибо! Спасибо вам! – попытался крикнуть он, но голос совсем ослаб.

Вцепившись в забор, Серджио стоял и ждал, пока из дома кто-нибудь выйдет. Тело обмякло, как у потрепанного огородного пугала, глаза превратились в щелки. Но вдруг свет

в окне погас.

Все поглотила тьма – густая, как мед.

Серджио выпрямился и попытался уловить какое-нибудь движение. Хоть что-то. Но ничего не было видно. Наверное, его приняли за преступника, за вора или наркомана.

– Эй, – крикнул он. – Эй! Помогите! Мне просто нужен телефон, пожалуйста...

Но дом словно вымер, спрятался во тьме, в один миг застыл в вечной заброшенности и запустении. Серджио рухнул на колени и захохотал каким-то булькающим, безумным смехом.

Он словно лишился рассудка и, сотрясая калитку, принялся бормотать какую-то бессмыслицу. Хотел было перелезть через забор, но испугался, что невыносимая боль в боку станет еще сильнее.

– Открывайте! Открывайте же, ублюдки! – его пронзительный вопль напоминал крик умирающей птицы. Мрак отозвался жутковатым эхом. Чудовищный приступ кашля вывернул Серджио наизнанку, как носок, и он почувствовал во рту привкус железа и густую соленую жидкость. От прикосновения к губам пальцы сразу стали липкими. Больше сомнений не оставалось.

Это кровь.

Его тело истекало кровью – обильной, густой, – а он не мог ее остановить.

Серджио отошел от ворот и заковылял по дороге. А потом,

собрав последние силы, свернул с грунтовки и решил обойти домик прямо по полю. С трудом доплетясь до заднего двора, увидел на земле светящийся прямоугольник. Позади дома забора не оказалось. Серджио подошел к окну.

Штор на окнах не было.

Серджио обхватил голову руками, прижался носом к стеклу, постучал в окно и замер.

Сквозь слезы он увидел кухню. Знакомые предметы. По-веяло покоем и теплом.

Спиной к нему за столом сидели три человека. Их позы и низко склоненные головы выражали бездонное отчаяние.

Две женщины и мужчина.

Не может быть...

Нет, точно.

Кьяра.

Мама.

Папа.

Лазанья в духовке.

Серджио отчаянно забарабанил по стеклу, но никто не обернулся. В ответ раздался только отвратительный крик – тот самый, который он слышал уже дважды и принял за собачий лай.

Где-то сзади.

Совсем близко.

Он медленно обернулся. И в нескольких метрах над дорогой увидел шар – клубок тьмы и ярости. Звук шел оттуда.

Шар приближался – медленно, спокойно, не торопясь.

И действительно, куда ему было спешить?

В мозгах Серджио что-то сломалось.

Он задрал голову и неуклюже завыл в ночное небо. Потом два раза подпрыгнул на месте и стремглав кинулся вперед, по полю, ничего не видя, как псих, сбежавший из сумасшедшего дома.

Молочная кислота терзала икры. В груди что-то закрипело, как будто открывали дверь на ржавых петлях, и Серджио вырвало потоком темной крови.

Ему было все равно. Он больше ничего не чувствовал, словно принял сильное обезболивающее. Но и боль сейчас уже не имела бы значения.

Теперь самое главное – бежать. Бежать, и больше ничего.

И он побежит. Да, будет переставлять ноги, делать шаг за шагом, снова и снова, и рано или поздно доберется домой, найдет помощь и утешение, он в этом уверен, у него получится, он будет бежать, как октябрьский ветер, пока не почувствует, что теряет сознание, пока не почувствует, что умирает, чтобы заглушить злобу тьмы, которая гонится за ним.

Ночь в ночи

Ночи в больнице длинные и мучительные. Для всех. Ночи в больнице – это Божья кара.

Хрип из соседней палаты гулко разносился по коридорам отделения неврологии. Постепенно стихая, как дуновение ветерка. Становясь едва уловимым.

Стоял сентябрь. Небо Турина сочилось назойливой моросью, которую больничные фонари окрашивали в красноватый цвет. Из окна палаты 67 она казалась туманом.

В палате были только я, Эмма и две пустые кровати.

Кашель. Надсадный, где-то вдалеке.

Стук шагов по облезлому зеленому линолеуму коридора.

Переплетя пальцы, я вытянул руки над головой, а потом встал с пластикового кресла. Оно было ужасно неудобным – под задницей как будто решетка. Колени тут же ответили хрустом, с которым собака грызет кость.

Я просидел в нем всего два часа.

А кажется, два дня.

Положив кроссворды на тумбочку, осторожно сел на край кровати, на пахшие хлоркой простыни, и посмотрел на Эмму. Она спала. Спала искусственным сном благодаря обезболивающим и другим лекарствам, которые кололи ей в вену уже неделю.

Спала и умирала.

Кто знает, какие извилистые, неведомые мне дороги видели ее глаза, метавшиеся под веками. Пробивавшийся через приоткрытую дверь свет коридора нарисовал на прозрачной коже щек параллельные полосочки – тени от ресниц. Я протянул руку и хотел ее погладить, но в последний момент передумал. Испугался, что потревожу, нечаянно проникнув в какой-то ее особый мир. Боялся стать чужаком. Непрошеным гостем.

Эмма казалась спокойной. Может, ей снились сны? Что тогда значит это лихорадочное движение глаз? Страх, смятение, неверие, нежелание умирать? Или вообще ничего?

Я проверил капельницу, легонько щелкнув по стеклянному флакону. Маннит. Сахарный спирт, сладкое как мед лекарство, позволяющее уменьшить отек мозга. По крайней мере, так сказали врачи и медсестры. Большого я не знал и не хотел знать.

Сладкое лекарство в горькие времена, – усмехнулся я. – *Что за бред.*

Но потом, когда густая жидкость в капельнице закончилась, я вызвал дежурную медсестру и почувствовал себя нужным. Что я еще мог сделать? Только быть рядом, гладить руку Эммы, молиться – чего я не делал много лет – и сыпать проклятиями – что делал постоянно. Но ведь богохульство в каком-то смысле тоже молитва, правда?

Тогда мне было тридцать. Мы жили вместе. И были счастливы.

Однажды вечером, за несколько месяцев до этого дня, я готовил ужин. Эскалопы с грибами. Как сейчас помню. Грибы, помидоры, немного сливок и пол столовой ложки муки, чтобы соус был густым, как учила мама.

Эмма стояла в гостиной перед экраном телевизора. Время от времени я слышал ее смех. Подходил к двери и невольно улыбался. А потом шел обратно на кухню проверять эскалопы. Они пахли восхитительно. У меня просто слюнки текли.

– Чувствуешь, какой запах? – спросил я Эмму.

– Нет, ничего не чувствую. Совсем ничего. Они у тебя что, ненастоящие? – ответила она и залилась кристально чистым смехом, который я обожал.

– Хм... Посмотрим, что ты скажешь, когда я поставлю тарелку тебе под нос.

Она сказала то же самое.

– Я вообще ничего не чувствую.

И повторила снова – после того, как попробовала грибы и откусила хлеба.

Эмма больше не чувствовала ни вкуса, ни запаха. Сначала мы над этим шутили. Пару дней. А потом начали волноваться.

– Запах кофе. Это бесит меня больше всего! Не чувствовать по утрам запаха кофе.

Мы пошли к врачу. Я ходил с ней на все приемы, на взятие анализов, на МРТ.

Опухоль головного мозга, размером с рисовое зернышко,

неоперабельная. Такая маленькая тварь, которая сидит *внутри*, – сказал доктор. Мне, конечно. При Эмме он выразался деликатнее.

Рисовое зерно росло и превратилось сначала в орешек. Потом в орех. В сливу. А за неделю до той ночи в ночи – был август, и духота стояла невыносимая, – Эмма выпила таблетку кортизона (часть ее лечения), пробормотала что-то нечленораздельное и рухнула на пол без сознания.

Врачи сразу сказали – надежды нет, но от того, что это знаешь, легче не становится.

Ее в срочном порядке госпитализировали, и вот она уже целую неделю в больнице, а я почти все время рядом с ней, особенно по ночам.

– Она может уйти в любую минуту, – предупредили врачи. («Уйти куда?» – хотел было спросить я.) – В сознание скорее всего не придет. Отек слишком обширный.

Я снова посмотрел на капельницу с маннитом и не смог сдержать слез. Мне так хотелось поговорить с ней. Сказать то, чего я никогда не говорил. Например, что как-то раз, когда мы приехали на барбекю к друзьям, я смотрел, как она играет в петанк. И не мог отвести глаз. Она была так прекрасна, что у меня даже сердце защемило.

Наверное, она не могла меня услышать, и все же я попытался что-то сказать. Но ее лихорадочно метавшиеся глаза как будто просили тишины. У меня опять ничего не вышло. Чтобы не разрыдаться на всю больницу, я чуть не до крови

искусал костяшки пальцев.

Успокоившись, решил подняться на террасу. О ее существовании я узнал еще в первую ночь. Туда вела крутая лесенка, расположенная слева от входа в отделение. Она напоминала лестницу погреба – какого-нибудь сырого погреба с пятнами плесени на стенах в большом старом туринском доме. Только эта вела наверх. Хотя какая разница. Ступеньки – каменные, выдавшие виды, – были отполированы сотнями измученных ног. Так и представляешь себе всех несчастных, которые поднимались по этой узкой темной лестнице, или медсестер, закурывающих сигарету на ходу, чтобы сэкономить время.

Лестница вела к маленькой двери; от ее ручки к крючку на стене тянулся жгут.

Здесь, на террасе, ты попадал в другой мир. Отсюда было видно почти всю столицу Пьемонта. Справа громоздились безликие здания больницы, и в освещенных мягким светом окнах время от времени мелькала голова какого-нибудь больного, устало покачивающегося из стороны в сторону, как механизм, который заело. Слева беспокойно мерцали огни Турина, тени и блики накладывались друг на друга в сумбурном коллаже. Только силуэт здания Моле Антонеллиана и суровой короны далеких альпийских вершин сохранял четкие линии в этом хаосе.

С тех пор как Эмму положили в больницу, я поднимался на террасу каждый вечер. Торопливо, жадными затяжка-

ми, выкуривал сигарету до самого фильтра и возвращался обратно – боялся, что Эмма проснется одна в полумраке палаты 67 и испугается, не понимая, где она. Хотя врачи сказали, что сознание к ней уже не вернется.

На этой террасе ужас, который здесь, в больнице, испытывал каждый, немного отступал. Она стала местом успокоения в море болезни, горя, слез и запаха дезинфекции.

Иногда я перекидывался парой слов с медсестрами или родственниками других больных. Буквально несколькими фразами, например: «Что поделаешь, так бывает, мы тут бессильны», а я думал: «Что значит “так бывает”, черт подери?! Не должен человек умирать от гребаного рака, когда у него впереди целая жизнь!»

Рано утром накануне пришел мой близкий друг, чтобы сменить меня у кровати Эммы, и принес горячие круассаны, которые мы решили съесть на террасе. В предрассветной дымке очертания домов казались размытыми. Наверное, это были самые вкусные круассаны в моей жизни. Мы говорили о том, как это все нелепо, и вспоминали Бога не самыми лестными словами. Поплакали, обнялись, выкурили по три сигареты и посидели молча, глядя на рассвет, стирающий тени.

В пустыне тоски, страха и остановившегося времени эта маленькая терраса стала оазисом покоя.

Я поцеловал Эмму в лоб, взял сигареты и зажигалку *Zippo* с нижней полки тумбочки.

Бросил взгляд на часы. Я устал. В глазах чувствовалось жжение, как будто под веки забралось полчище комаров. Или пауки сплели паутину. Было всего два часа ночи. Мама придет подменить меня только к шести утра.

В коридоре никого не было, неоновый свет, отражавшийся от болотных стен, резал глаза. С трудом переставляя ноги по ступенькам лесенки, я сунул сигарету в рот. И вышел на террасу.

Дождь закончился. Влажная пелена, как смог, висела в воздухе, мешая нормально дышать и двигаться. Облака напоминали горки прокисших сливок.

Я тяжело опустился в принесенное сюда кем-то садовое кресло, возле ведра с песком для окурков. По телу прошла дрожь от безумной усталости. Я закурил и закрыл глаза, надеясь никогда не открывать их снова.

И понял, что *хочу исчезнуть прямо сейчас. Я больше не могу.*

Открыв глаза, я обнаружил, что уже не один. К перилам прислонилась тень – темный силуэт в клубах голубого дыма. Казалось, она полностью поглощена созерцанием панорамы города. Несмотря на сутулость, ее осанка была не лишена определенного благородства. Женщина. Я присмотрелся. Одета во что-то белое. Наверное, медсестра.

Я решил не отвечать. Разговаривать не было никакого желания. К тому же я сомневался, что *мне удастся найти слова*. Откуда-то донесся грохот трамвая и треск тока в прово-

дах.

Медсестра заговорила со мной, когда я бросил окурок в ведро и встал с кресла, собираясь вернуться к Эмме.

– Дерьмовая ночка, а?

В голосе женщины слышались какие-то странные нотки, то ли металлические, то ли деревянные, будто железной пилой распиливали доски. Но он заставил меня подойти к ней на несколько шагов. Голос показался мне знакомым, хотя раньше я никогда ее не встречал.

– Да, дерьмовая, – согласился я. – Но не думаю, что здесь бывают хорошие ночи.

Женщина повернулась ко мне и облокотилась на перила. В темноте я не мог разглядеть ее лица – видел лишь сигарету во рту и черный силуэт на фоне огней Турина.

– Когда как. Бывают и хорошие. – Откуда-то с нижних этажей донесся душераздирающий стон, в котором было что-то звериное. Я вздрогнул, женщина посмотрела на меня. – Эта не из хороших, – пожала она плечами.

– Ну, я пойду вниз. К своей девушке. Спокойной ночи.

Убрав локти с перил, женщина подошла ко мне на пару метров. Она казалась призраком, парящим в нескольких сантиметрах над землей. Наконец я смог разглядеть ее лицо. Оно было уродливым. Почти до отвращения. Разные, криво посаженные, очень темные глаза, длинный, сморщенный, как увядшее растение, нос, тонкие лиловые губы.

И только тут я понял, что она невероятно высокая.

Неестественно высокая. Ее голова в копне светлых волос возвышалась над моей. Незнакомка бросила сигарету на просмоленный пол, пнула ее под старый удлинитель и закурила еще одну.

– Что с твоей девушкой? Я буду на ты, если ты не против, – определить возраст женщины было невозможно.

Я махнул рукой, мол, хорошо, как хотите, на ты, так на ты. Проглотил слюну и уставился на размыто-серый город под ногами. Черно-белый снимок плохого фотографа.

– Опухоль... Неоперабельная, – пробормотал я. Учтывая в каком мы отделении, решил, что говорить, где она находится, нет смысла. Несколько секунд думал об этом, как о чем-то очень важном. Хотя может, так и было. – Опухоль все росла и росла, потом развился отек, и ей стало плохо, и...

Я не договорил. Медсестра подошла еще ближе. Да, она была слишком высокой, слишком худой, слишком призрачной и в то же время бесцеремонной.

– Твоя девушка умирает? – прошипела она. Вопрос прозвучал так, словно не требовал ответа.

– Д-да, – прошептал я. – Наверное, да. Может быть, скоро. Мне пора вниз.

Вытянув руку, женщина сжала мое предплечье. Мне показалось, что в тисках ее могучей хватки локтевая и лучевая кости трутся друг о друга. Невероятная сила для такой худой руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.